

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-425-491>

<https://elibrary.ru/LMNLLU>

УДК 821.161.1.0+82-6

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

Научная публикация архивных материалов /
Scientific Publication of Archival Materials

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ACADEMIA» В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.: ГОНКА ЗА ГОНОРАРАМИ¹

© 2021 г. С. Роле

Университет Лилля, Институт Eur'ORBEM (CNRS), Лилль, Франция

Аннотация: Воспоминания сотрудников издательства «Academia» говорят о том, что деятельность издательства вдохновлялась бескорыстной любовью (*illlusio*) «авторов» в широком смысле (редакторов, переводчиков, комментаторов, редакторов) к искусству и литературе. Архивные документы показывают, что это не так. Очень амбициозная редакционная политика, которую демонстрирует «Academia», во многом декларативна. На самом деле выбор издаваемых книг также и прежде всего связан с конкуренцией за авторские права (*lusio*). Это соревнование было достаточно открытым: авторы, которым удастся получить наиболее регулярный и значительный доход от сотрудничества с «Academia», не обязательно являются наиболее влиятельными в политическом отношении. Компетентность, социальная гибкость и упорство позволяют опытным профессионалам ориентировать издательские программы в направлении, благоприятном для их личных интересов. Именно конкуренция между авторами, их подчас давняя близость и тактический характер их поведения позволяют понять порой парадоксальные решения редакции. Но гонка за авторскими гонорарами — это не война всех против всех. Мы видим, что в «Academia» действуют неформальные правила, молчаливо принимаемые всеми сотрудниками (*collusio*). Эти правила, выгодные для всех, обеспечивают выживание «Academia» в течение нескольких лет в чуждой и враждебной среде строительства социализма.

¹ Исследование выполнено при поддержке совместного исследовательского проекта FICUSOV 1917–1941 («Финансирование советской культуры») — CNRS–UMR Eur'ORBEM.

Ключевые слова: издательство «Academia», конкуренция, авторские права, гонорары, автономность, неформальное регулирование, Беранже, Валлес.

Информация об авторе: Серж Роле — доктор филологических наук, почетный профессор кафедры русской литературы, Университет Лилля, сотрудник Института Eur'ORBEM (CNRS UMR 8224), ул. Поля Дюэ, д. 42, 59000 г. Лилль, Франция.

E-mail: serge.rolet@univ-lille.fr

Для цитирования: Роле С. Издательство «Academia» в начале 1930-х гг.: гонка за гонорамами // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 425–491. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-425-491>

«От денег Вы, дорогой мой, отказываетесь совершенно зря. Деньги Вам необходимы для того, чтоб питаться обильно и здоровой пищей <...>»

Письмо М. Горького А. Камегулову (май, около 7, 1930, Сорренто) [1, т. 19, с. 289]

Издательство «Academia» — флагман советского издательского дела 1920–1930-х гг. Название «Academia» вызывает ассоциации с роскошными художественными изданиями, с великолепными иллюстрированными изданиями русской и зарубежной классики. В отличие от скучной продукции пролетарских писателей, фигурирующей в каталогах других издательств, книги «Academia», предлагаемые малыми тиражами и по высоким ценам, пользовались большим спросом у публики. Организованное как акционерное общество с государственным капиталом в конце 1920-х гг., издательство было прибыльным; часть его продукции, ориентированной на экспорт, приносила драгоценную иностранную валюту. В отличие от других издательств, «Academia» не нужно было обращаться к государству, чтобы получить дотацию для сбалансированности своих счетов [4, с. 397–398, 407]. Издательство не стремилось отказаться от традиционной системы вознаграждения своих сотрудников согласно договору.

Издательские контракты академических кругов были предметом недавнего исследования, в котором установлено, что гонорары, предусмотренные в этих контрактах, обеспечивали постоянным переводчикам, составителям предисловий и редакторам высокие доходы, а некоторым из них даже очень высокие доходы [11]. Авторские права, оплачиваемые «Academia», не превышали ставок, обычно действовав-

ших в советском издательском мире 1930-х гг., но суммы, выплачиваемые им, были выше, чем где бы то ни было, из-за исключительного объема публикуемых текстов. Например, предисловия издательства «Academia», как правило, достигают пятидесяти страниц, более того, некоторые из них насчитывают около ста страниц. Так обстоит дело с предисловием Льва Каменева к книге «Было и думы» Герцена.

Изучение гонорарной политики «Academia» позволяет по-новому понять важные особенности деятельности издательства. В полном отрыве от идеологии Строительства, материальная заинтересованность сотрудников издательства выступает как тайная пружина издательского механизма. Можно также предположить, что во многих случаях поиск личной выгоды был решающим фактором, определявшим выбор издательства. Таким образом, производственные планы и каталог «Academia» были результатом конкуренции между наиболее влиятельными сотрудниками, наряду с реализацией социалистической редакционной политики, которую проводило издательство.

Конкуренция между авторами

В издательстве «Academia» суммы гонораров были очень значительными и распределялись на основе каждодневного индивидуального соревнования, исход которого не был предreshен заранее. Можно констатировать, что сотрудникам издательства, не имевшим заметных связей с правящими кругами, тем не менее удавалось получать редакционные проекты и иметь значительный доход, либо время от времени, в рамках небольшого числа проектов, иногда одного, либо на регулярной основе. Интересно понять, какие факторы предопределили успех того или иного издательского проекта, какие стратегии избирали авторы и как эта игра могла повлиять на выбор книг, предназначенных к изданию.

Распределение авторских гонораров «Academia» не носило стабильного и равномерного характера. В отличие от того, что наблюдалось в других областях советской культуры, где заработная плата и пособия в натуральной форме зависели от профессионального статуса заинтересованных лиц, издательский сектор вознаграждал своих сотрудников (кроме административно-технического персонала) в соответствии с задачами, указанными в договоре. Социальные стратегии авторов заключались не в том, чтобы занять более выгодную должность, получить звание или степень, а в том, чтобы как можно чаще подписывать наиболее выгодные контракты. В издательстве велась настоящая гонка за авторскими правами. Соперничество между

авторами и их группировками существовало повсюду в издательском секторе, но оно могло быть поставлено под сомнение из-за политических предпочтений, находящихся вне логики свободной конкуренции [4, с. 408].

Конкуренция в «Academia» была жесткой, вездесущей, поэтому мы должны отказаться от живущего по сей день мифа о *raх academica*. Этот миф, превращающий «Academia» в оазис высокой культуры в потрясенном Великим Переломом обществе, присутствует во всех работах об издательстве. Акцент делается на творческой атмосфере, на дружном и коллективном характере работы переводчиков и иллюстраторов. Лидия Манелис утверждает в своей диссертации: «В издательстве [«Academia»] царила творческая атмосфера, читались и обсуждались новые переводы» [2, с. 18]. Библиофил Марк Рац пишет:

В Редакционном секторе работало всего два-три редактора <...>. Быть может, именно малочисленность редакционного аппарата способствовала постоянным товарищеским контактам и взаимным консультациям с бюро художественного оформления... <...> для издательства была характерна ориентация на научную подготовку текстов и высококачественные переводы, на комментарий, составленный компетентными специалистами <...>, на тесное содружество редакторов, комментаторов, оформителей, художников и полиграфистов [5, с. 202].

Коллективный характер издательского дела, столь часто выдвигаемый «Academia» как доказательство революционного характера ее деятельности, является фантазией. Тот факт, о котором сообщает М. Рац, что люди, ответственные за издательские проекты, были хорошо знакомы друг с другом и что у них была привычка обмениваться впечатлениями в неформальной манере, был обычным явлением в книжном мире того времени. Это не мешало тому, что в действительности подготовка изданий часто была быстрой, если не небрежной, каждый автор представлял свою рукопись в срочном порядке, ни с кем не консультируясь.

Скорость выполнения проектов была обусловлена планом, а также поиском личной прибыли. Смирнов, после обнаружения многочисленных ошибок в работе, редактором которой он был, поясняет, что у него было всего три часа на проверку *гранок*². Все это говорит о том, что спешка и доведение работы были правилом, а не исключением. Заявленный коллегиальный характер работы был признаком

² РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 10.

того, что в «Academia» также применялся метод коллективной работы в области перевода, считавшийся в то время элементом *обработывания*, к которому в других издательствах призывали «пролетарии» [4, с. 406].

Способ работы в издательстве «Academia», как его обычно представляют, имеет признаки того, что Пьер Бурдьё называет “*illusio*”, то есть «бескорыстной игры», которая «предполагает отстранение от целей обычного существования в интересах новых задач, поставленных и произведенных самой игрой» [8, р. 122]. Обращение к первоисточникам приводит к диаметрально противоположному мнению: деятельность «Academia» в основе своей принадлежит “*lusio*”, экономической и социальной «игре», игре частных материальных интересов.

Долгая история издания Беранже

Конкуренция между авторами отчетливо проявилась в проекте публикации песен Беранже в двух томах. Первое упоминание об этом проекте появляется в протоколе заседания *Редсовета* «Academia» от 6 марта 1931 г.: «Ввиду больших художественных и политических достижений книги — включить в план, не считаясь с тем, что книга неоднократно издавалась»³. Проект издания Беранже, кажется, был принят без обсуждения, в отличие от других проектов, представленных на том же заседании Редсовета. Предложение издать произведения Нодье, Мольера, Виньи и особенно Мериме и Стендаля вызвало, уточняется в протоколе, «прения» (Мериме) и даже «горячие прения» (Стендаль).

Спустя почти полтора года издание Беранже продвинулось не очень далеко. Обмен письмами летом 1932 г. между Львом Каменевым, тогдашним директором «Academia», и Германом Сандомирским позволяет предположить, что последний был назначен редактором всего издания⁴. В последующие месяцы, вплоть до осени 1934 г., подготовка «Полного собрания песен» Беранже замедлилась из-за конфликта между Сандомирским, с одной стороны, Эфросом и Лупполом, с другой. Сандомирский жаловался Каменеву на то, что его лишили функции редактора, несмотря на то, что он был инициатором

³ Протокол совещания по выработке 3-летнего редакционного плана издательства Academia по отделу «Французской литературы XVII–XX вв.» 6 марта 1931 // РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 597.

⁴ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 121. Рукописная заметка за подписью «Сандомирский» датирована 16 ноября 1932 г.

ром проекта. Эфрос поручил своей жене работу над библиографией, даже не предупредив его, что, как он пишет, поражает его права⁵. Чувствительным моментом здесь является разделение различных обязанностей редактора.

Эфрос и Луппол были сильнее Сандомирского. Используя свой авторитет, соответствующий их высокому положению в «Academia», а в случае Луппола и в других престижных организациях, Луппол и Эфрос постепенно оттеснили Сандомирского. Луппол тянул время до тех пор, пока не получил желаемого, он не укладывался в срок сдачи работы, что блокировало продвижение издания: никто конкретно не мог заставить его сдать работу в срок. Сандомирский неоднократно жаловался руководству.

Сначала Лупполу удалось оставить за собой «политическую редактуру всего издания и фактическую редактуру статей, входящих в оба тома»⁶. Количество, объем этих статей и имена их авторов также были предметом переговоров. Сандомирскому были поручены обязанности «редактора-организатора (по новой номенклатуре)». Эта функция производила на него впечатление, писал он Каменеву, что он не более чем секретарь Луппола. В конце концов Лупполу удалось стать ответственным редактором всего издания⁷. Сандомирский некоторое время пытался сохранить за собой во втором томе обязанности редактора, которые он разделял с Эфросом в первом томе, изданном в 1934 г.⁸ Однако на втором томе, вышедшем в 1935 г., стоит фамилия Эфроса. Но здесь уже дело не в конкуренции: Сандомирский был арестован в декабре 1934 г.

До того времени, когда политические репрессии положили конец борьбе за редакционные обязанности между Сандомирским и Лупполом с Эфросом, издательская история Беранже характеризовалась рядом особенностей, имевших место при распределении авторских прав в «Academia».

Конкуренция была неравной. В ноябре 1932 г. Луппол, возможно, с целью нагнать страха на своих противников, отправил секретарю «Academia» Антокольской не простую записку, написанную от руки, как это было принято, а письмо, напечатанное на бланке ОГИЗ, где он занимал должность заместителя директора⁹. Сандомирский на-

⁵ Там же. Л. 128.

⁶ Там же. Л. 121.

⁷ Там же. Л. 135.

⁸ Там же. Л. 128.

⁹ Там же. Л. 120.

стойчиво отстаивал свои интересы. Он надеялся, что его усилия дадут результат. Луппол, конечно, вытеснил его с поста *ответственного редактора*, но далеко не все было потеряно: игра стоила свеч. Он остался автором одной из вступительных статей к «Песням» Беранже, и в первом томе его фамилия стояла рядом с фамилией Эфроса, что было весьма лестно (см.: *Беранже П.-Ж. Полное собрание песен: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1934–1935. Т. 1. С. 97–116*). Несмотря на унижение и разочарование, о чем он писал Каменеву, его вклад в работу должен был принести ему большие гонорары.

Для такого интеллигента, как Сандомирский, бывшего дипломата, ставшего журналистом и сотрудником издательства, чье политическое прошлое (он был анархистом в начале века) было помехой в Советском Союзе 1930-х гг., стало возможным извлечь значительную материальную и символическую прибыль от сотрудничества с «Academia», несмотря на то, что авторы, более влиятельные в социальном отношении, чем он, забирали себе львиную долю издательских контрактов и связанных с ними доходов.

Мы также видим, что такой чистый профессионал, как Эфрос, полиглот, эрудит и очень опытный редактор, но без существенной поддержки в партийном аппарате, мог играть на равных с Лупполом, коммунистическим иерархом, членом Правления ССП, членом-корреспондентом АН СССР, и получать контракты, обеспечивавшие ему немалый доход. В существовавшей конкуренции отношения автора или редактора с властью были очень полезны, но это был один аргумент в числе других, регулярно нейтразуемый динамикой обстоятельств. Если в конкурентной борьбе побеждали наиболее влиятельные авторы, то в рамках конкретного проекта наиболее влиятельными могли оказаться профессионалы издательского дела. Такие авторы, как Алексей Дживелегов, Александр Смирнов, Абрам Эфрос, Леонид Гроссман, Стефан Мокульский, Юрий Данилин, Дмитрий Горбов, подозрительные представители старой интеллигенции, но хорошо зарекомендовавшие себя в «Academia», предприимчивые и умелые, смогли занять выгодные для себя позиции. Их очевидно нестандартная политическая траектория (Эфрос был эсером, а Дживелегов кадетом) имела меньшее значение, чем их редакторский опыт. Как правило, эти сотрудники, пользующиеся большим авторитетом в «Academia» и других издательствах, работали ранее во «Всемирной литературе» Горького, издававшей великих зарубежных классиков в период с 1918 по 1924 г. Это были не только специалисты, такие, как, например, профессор Игнатий Крачковский, незаменимый в издании переводов с арабского, или Евгений Ланн, превосходный знаток современной американ-

ской литературы, или даже пушкинист Мстислав Цявловский. Такой тип авторов был маргинализирован из-за узости своей компетенции. Можно сравнить деятельность Крачковского с работой Смирнова, чья редакционная активность распространялась на несколько областей культуры, или Мокульского, театроведа, имевшего влияние на издание произведений разных стран, переводов с множества языков. Смирнов выступал переводчиком, редактором, комментатором в изданиях произведений Шекспира и Сервантеса, шахматных трактатов в переводе с испанского, средневековой французской литературы, ирландских саг.

Таким образом, добиваясь преобладания принципа, иногда с известной долей блефа, согласно которому компетенция дает права, эти интеллектуалы широкого профиля сумели воплотить свои проекты в жизнь в соревновании, в котором приняли участие аппаратчики и политики высокого полета Луппол, Каменев, Луначарский. Среди авторов, считающихся специалистами в одной области, часто наблюдается тенденция выходить за рамки своей компетенции и участвовать или даже руководить изданием текстов, относящихся к другой области, в ущерб авторам, которые априори более квалифицированы, чем они, для этого типа задачи. Не Борис Грифцов, переводчик Бальзака, Флобера, Пруста, автор первого русско-итальянского словаря и переводчик Вазари, предваряет, переводит и комментирует “*Vita nova*” Данте, а Эфрос (см.: *Данте. Vita nova*. М.: Academia, 1934). Горбов, редактор книги Диккенса «Тяжелые времена», автор предисловий к произведениям Свифта, Филдинга, Теккерея, издававшихся в «Academia», иногда принимал участие в изданиях французской литературы (см.: *Диккенс Ч. Тяжелые времена*. М.; Л.: Academia, 1935). Он написал предисловия к изданиям Руссо и Беранже. Люди из партийного аппарата, со своей стороны, охотно брали на себя очень прибыльные редакционные обязанности в «Academia». Вероятно, не столько из-за их компетентности, сколько из-за их способности пользоваться своим авторитетом и связями. Руководство «Academia» доверяло им предисловия или обязанности редактора. Например, сомнительно, чтобы Луппол, считавшийся специалистом по Дидро и, шире, по философии Просвещения и истории атеизма, был более, чем другие, компетентен комментировать “*Cymbalum mundi*” Бонавентура де Перье (см.: *Деперье Б. Кимвал мира*. М.; Л.: Academia, 1936). В предварительном списке книг серии «Русские и мировые классики» на 1930 г. фамилия Луначарского как редактора встречается чаще всего: 6 раз из 24¹⁰. В списке из 32 авторов, предложенных для пу-

¹⁰ Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее — АГ). КГ-изд 2-18-1. Л. 3-4.

бликации в сборнике «Литературно-биографическая серия», только 14 сопровождаются фамилией предполагаемого автора предисловия. Среди них Луначарский упоминается 9 раз¹¹.

Само существование издательских серий имело два противоположных эффекта. С одной стороны, традиционно, согласно логике, проанализированной Дюркгеймом, фрагментация редакционной деятельности на несколько подмножеств должна была снизить конкурентное напряжение между авторами «Academia» [9, р. 244]. План издания немецкой литературы, например, имел свои собственные задачи, отличные от тех, которыми руководствовались, например, в серии «Искусствоведение» или других сериях иностранной литературы.

Постоянно обновляемый список серий сочетал лингвистическую и культурную составляющую с другими, которые соответствовали иным типам критериев, например, тематическим и жанровым. «Дон Кихот» априори мог попасть в серию «Испанская литература», но опубликован он был в серии «Сокровища мировой литературы». Байрон был опубликован в той же серии, а не в серии английской и американской литературы (см.: *Байрон Дж. Мистерии*. М.; Л.: Academia, 1933). От помещения текста в ту или иную серию зависел выбор авторов, готовивших издание. Руководители серий пользовались определенной свободой в формировании своих команд; их выбор имел очень важные последствия для доходов авторов и для материальных условий жизни их семей, о чем свидетельствуют патетические письма, адресованные Виноградовым Горькому (см. Приложения 9–16). Те, кто стоял во главе жанровых или тематических серий, постоянно вторгались в область культурных и языковых серий и в рамках этих серий отдавали предпочтение проектам, в которых они находили личный интерес. Частота этих посягательств была показателем авторитета и влияния руководителей серий. Отметим, например, что доля переведенных с английского языка книг, опубликованных в серии «Сокровища мировой литературы», особенно высока, что свидетельствует о неспособности руководителя серии английской и американской литературы эффективно защищать свою область.

Существование локальной конкуренции в рамках каждой серии не положило конец большому соперничеству между руководителями различных серий и связанных с ними авторов. Доля каждой серии в общем объеме издания иностранной литературы была неизменной. Господство французской литературы оставалось устойчивым. Этот status quo ставился под сомнение, о чем свидетельствует настойчивая

¹¹ Там же. Л. 14–15.

попытка Евгения Ланна расширить издание американской литературы. Ланн пишет Горькому в 1932 г.:

Познакомившись с трехгодичным планом, составленным на основании тех материалов, которые даны были литературоведами-западниками, созданными на ряд совещаний, я, принимавший участие в этих предварительных совещаниях, считал необходимым представить некоторые замечания к разделу плана по изданию **англо-американских стран**.

1. При ознакомлении с планом становится вполне очевидным, что составители его не учитывали наличия в **американской** литературе имен, знакомство с которыми обязательно для нашего читателя.

За вековой период своего существования американская литература дала не только Эдгарда По, Марка Твэна, Джека Лондона и О. Генри, которых можно считать американскими классиками, если судить по степени их популярности у нас. В задачу «Academia» может не входить издание упомянутых писателей именно потому, что книги их легко найти и в настоящее время — они издавались у нас неоднократно, а Марк Твэн и Джек Лондон издаются и в настоящее время.

Задачей такого изд-ва, как «Academia», является ознакомление читателей с такими классическими книгами, которые либо забыты у нас, потому что выходили задолго до революции, либо совсем неизвестны нашему читателю, благодаря недостаточной осведомленности наших дореволюционных изд-в в американской литературе. Примеров такой осведомленности можно привести десятки, «Academia» в меру своих издательских возможностей **должна обратить внимание на факт существования в Америке крупнейших писателей**, которые давно стали классиками у себя на родине, широко известны в Европе и о которых можно найти огромную критическую литературу.

Составители плана «Academia» забыли об американских классиках, мастерство которых нимало не ниже мастерства писателей романских и германских стран, включенных в план.

В плане **ни одного** из нижеследующих имен, известных каждому школьнику в Америке: Ирвинга, Гоуторна, Мельвилля, Гоуэлса, Генри, Джемса, Эмерсона, Торо»¹².

В результате этой констатации Ланн предлагает Горькому список произведений, которые, по его мнению, «Academia» должна немедленно опубликовать. Усилия Ланна не принесли успеха. Его аргументы были культурными и эстетическими, тогда как вопрос был

¹² АГ. КГ-П 43-7-2.

тактическим и экономическим: любое предложение увеличить долю американской литературы в производственном плане «Academia» являлось *eo ipso* угрозой объему всех других литературных серий.

Среди авторов, не имевших политического веса, но тем не менее сильно влиявших на издательский выбор «Academia», мы регулярно обнаруживаем борьбу за доминирующее положение, даже гегемонию, основанную на редком, исключительном мастерстве. Давление конкуренции побуждает людей выйти из конкуренции, как это наблюдается в условиях классической рыночной экономики. Так Гроссман пытался оставить за собой четко очерченную область: творчество и личность Достоевского. В силу своей компетентности в этой области он попытался посягнуть на издание Бальзака, которое априори попадало в ведение Эфроса и Грифцова, предложив издание «Евгении Гранде» в переводе Достоевского. Гроссман, должно быть, с горечью вспоминал об исходе своего состязания с Виноградовым и Луначарским за издание Виктора Гюго в «Госиздате»: издательство выбрало самый дешевый проект, составленный в основном из старых переводов¹³. Здесь перевод Достоевского «Евгении Гранде» позволил избежать затрат на новый перевод и придал проекту убедительность в финансовом плане. Материальный интерес «Academia» совпал с интересом Гроссмана, редактора текста и автора одного из двух предисловий к книге. Именно личная стратегия Гроссмана позволяет понять, почему «Academia» издала этот явно устаревший перевод, что открыто противоречило ее редакционной политике. Точно так же публикация книги «Ирландские саги» под редакцией Смирнова, в его переводе, с его предисловием и аннотированная им самим, безусловно, во многом обязана доминирующему положению, которое Смирнов занимал в очень ограниченной области кельтских культур. Никто не мог оспорить его право контролировать такой проект от начала до конца (см.: Ирландские саги. Л.: Academia, 1929).

Руководители серий, особенно если они также были членами Редсовета, имели хорошие возможности для того, чтобы предлагать книги для публикации и делать экспертную оценку проектов, представленных на заседаниях Редсовета. Руководство «Academia» регулярно просило их об этом. Случалось также, что постоянных или просто случайных сотрудников, авторов предисловий, примечаний или переводов, не входящих в руководящие органы «Academia», приглашали оценивать работы других авторов издательства. Эти внутренние рецензии часто были совсем не комплиментарными. «Гонка»

¹³ Там же. КГ-изд 7-10-1.

за авторскими гонорами была беспощадной, и мнения экспертов могли быть весьма противоречивыми, как и возможные ответы, которые атакуемые авторы адресовали руководству «Academia» в свою защиту.

Битва вокруг Валлеса

Экспертная оценка Цви (Григория) Фридлянда вступительной статьи Гимельфарба к трехтомнику сочинений Валлеса носила совершенно отрицательный характер. Крайне напыщенным тоном историк революционных движений XIX в. дает унижительный урок бедному Гимельфарбу.

Жак Баден был «левый республиканец, социалист», два политических понятия, не совпадающих в 1848 г. Баден не был социалистом. Если автор придает понятию «социалист» особый смысл, — его следует тогда объяснить.

Нет никаких оснований называть Эмиля Жирардена «ярым республиканцем», который занимал «независимую позицию». <...> Не забудем о характеристике, которую дал ему Маркс. Давно пора отказаться от характеристики газеты «Отец Дюшен» (1871 г.) как «беспринципной и догматической» газеты.

<...> Большое значение имеет, однако, ошибочные характеристики отдельных моментов классовой борьбы.

<...> Б. Г. не дал анализа классовой природы «бунтарей» и произвольно включил их в ряды пролетариата, поставив Валлеса в ряды тех, кто «формировал его классовую мысль»¹⁴.

В одном из своих писем Каменеву Гимельфарб считает долгом четко подробно ответить на яростные нападки Фридлянда. Он даже цитирует Маркса на немецком языке, которым Фридлянд, вероятно, не владел. Но по сути его аргументы нацелены совсем на другое. Гимельфарб принципиально указывает на недобросовестность Фридлянда и разоблачает конфликт интересов, частью которого является экспертная оценка. Фридлянд, утверждает он, не потерпит, что кто-то, кроме него, позволяет себе писать что-либо о Парижской Коммуне. Гимельфарб также намекает на денежные мотивы Фридлянда. Он цитирует его и комментирует в следующих выражениях: «Нет никаких оснований называть Жирардена 'ярым республиканцем'. Надо во вся-

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 7–9.

ком случае отметить его политические колебания". Г. Ф. во-первых, пропустил одно слово, имеющее решающее значение, во-вторых, не дочитал примечания до конца / некогда: время — деньги/»¹⁵.

Фридлянд (1897–1937), профессор *Института красной профессуры*, написал несколько предисловий и статей в изданиях «Academia», касающихся вопросов французских революционных движений и французской культуры XVIII в. (см.: *Марат Ж.-П.* Памфлеты. М.; Л.: Academia, 1934). Он также был автором известного учебника, изданного тиражом более 200 тыс. экземпляров¹⁶. Гимельфарб, скромный «западник» старшего поколения, по всей видимости, не имевший никакой защиты в верхах, казалось, был неспособен противостоять Фридлянду, но его аргументы в конечном итоге смутили руководство «Academia». Гимельфарб утверждал, что экспертное заключение Фридлянда проистекало из его желания сделать французские революционные движения своей прерогативой. Осторожный Каменев не захотел уладить эту тяжелую ссору. Он распространил экспертизу Фридлянда и предложил «всем сотрудникам «Academia», интересующимся ходом ее работ, ознакомиться с данной рецензией на книгу Валлеса». Он писал: «Рецензента будут упрекать в придирчивости и мелочности. Но для улучшения качества нашей продукции эта придирчивость и мелочность как раз очень полезны»¹⁷.

С точки зрения идеологии издание Валлеса не представляло сложностей, поэтому в *протоколе заседания Редсовета*, в котором писатель упоминается впервые, есть только замечание: «включить в план». Трудности были вызваны конкуренцией, противопоставившей Гимельфарба Фридлянду, в которой идеологической была только оболочка, но не содержание. Фридлянд просто применил против Гимельфарба свое самое действенное оружие: положение признанного и влиятельного историка, способного дать считающийся правильным в высоких кругах анализ упомянутых Валлесом моментов политической жизни и того, что Валлес говорит о них.

Гимельфарбу пришлось пересмотреть и сократить свою вступительную статью и свои комментарии к Валлесу, но его воинственность и решительность спасли его работу. Ему удалось, несмотря на весьма враждебную внутреннюю экспертизу Фридлянда и уклончивость Каменева, сохранить за собой функции не только редактора

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 29.

¹⁶ Фридлянд Ц. История Западной Европы 1789–1923 гг.: в 2 ч. М.: Ком. ун-т им. Я.М. Свердлова, 1926.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 29.

книги Валлеса «Юность. Воспоминания бедного студента», но и двух других томов Валлеса, находившихся еще на стадии проекта. Все договоры на переводы были подписаны с его женой Полиной Нейман. Вдвоем они выполняли все редакционные задачи по трем томам Валлеса, за исключением, конечно, общей редакции, которая автоматически ложилась на Эфроса как руководителя серии французской литературы (см.: Валлес Ж. Юность. Воспоминания бедного студента. М.; Л.: Academia, 1934). Мы понимаем, что достигнутые успехи были очень кстати для четы Гимельфарб-Нейман. В 1934 г. Гимельфарб, бывший заведующий (в 1920-е гг.) литературным отделом газеты «Известия», находился в сложном положении, без постоянного места работы, лишенный доступа к книгохранилищам библиотеки ИМЭЛ и Ленинской библиотеки¹⁸. Его кандидатура в Союз писателей сначала была отклонена. Ни один журнал, писал он Горькому, не соглашался публиковать его рецензии¹⁹. Год спустя, когда шло редактирование Валлеса, он в нескольких письмах в «Academia» выражал опасения, что сокращение его комментариев приведет к сокращению его вознаграждения. В конце концов его заверили, что он получит оплату в соответствии с объемом текста, предусмотренным в контракте.

Издание трилогии Валлеса под редакцией Гимельфарба тем более примечательно, что большая часть проектов, представленных в Редсовет «Academia», отвергалась, а значительная часть проектов, одобренных этим же Редсоветом, впоследствии была отклонена. Из серии из 21 книги, издание которых было предложено Редсовету руководителями серии в 1933 г., в связи с изменением производственного плана была издана только одна работа. Это двухтомный сборник немецких романтических новелл, содержание которого лишь частично соответствует первоначальному проекту (см.: Немецкая романтическая повесть: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1935). Амбициозная серия «Мастера стиля» под руководством Луначарского не была осуществлена, вышла только одна книга проекта, сборник Киплинга (см.: Киплинг Р. Рассказы. М.; Л.: Academia, 1936), хотя контракты на перевод были подписаны, и работа уже достаточно продвинулась (см. Приложение 5).

В таком контексте у проекта Гимельфарба было мало шансов на успех (см. Приложение 6). История издания трилогии Валлеса тем не менее показывает, что конкуренция между авторами, столь острая и

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 138. Л. 65–67.

¹⁹ АГ. КГ-П 20-4-2 (Рукописное дополнение, сделанное под копией кандидатуры Гимельфарба в ССП, адресованное Горькому Гимельфарбом. Дата: 14 июня 1934 г.).

неравная, какой она была в «Academia», могла преподносить сюрпризы. «Рядовой работник»²⁰, как называет себя Гимельфарб, беспартийный, смог осуществить проект, которому не благоволил руководитель серии, где вышла трилогия. Гимельфарб жаловался Каменеву на то, что Эфрос был не на его стороне в конфликте с Фридляндом²¹. Возможно, осуществлению издания Валлеса способствовала поддержка Мокульского. Именно по его предложению и было предпринято издание «Бедного студента»: в обоснование своего предложения Мокульский заявил Редсовету: «Валлес — писатель близкий по настроению к коммунизму. *Бедный студент* — недавно найденная его рукопись — большой художественной силы»²². Позиция Мокульского, возможно, отражает его интерес к Валлесу, но ее можно рассматривать и как тактический маневр с его стороны в отношениях соперничества между ним и «непререкаемым и всевластным Абрамом Эфросом» [3, с. 43]. Продвижение издания Валлеса в серии французской литературы означало ослабление влияния ее руководителя.

«Academia» — пристанище либерализма?

Издательство «Academia» было юридически автономно (см. Приложение 2, п. 12). У него была своя администрация и независимый Редсовет. Разработка производственных планов согласовывалась с ГИХЛ, но в значительной степени оставлялась на инициативу авторов и на усмотрение Редсовета.

В принципе, как это отражено в протоколах заседаний Редсовета, выбор издаваемых книг основывался на трех схематичных критериях. Первый критерий — наличие спроса; второй — соотношение авторского мировоззрения и официальной идеологии, а также его «актуальность»; художественная ценность текста была третьим критерием. Первый критерий не ясен и не является рабочим. Его очень часто выдвигал Эфрос, но Луначарский рекомендовал отказаться от него (см. Приложение 5). Отказ от публикации книги не может быть оправдан, по мнению последнего, тем, что рассматриваемый текст был доступен на рынке, поскольку возможно, что существующие переводы были плохими или неполными, а новый перевод, изданный

²⁰ АГ. КГ-П 20-4-2.

²¹ РГАЛИ. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 27.

²² Протокол совещания по выработке 3-летнего редакционного плана издательства Academia по отделу « Французской литературы XVII–XX вв » 6 марта 1931 // РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 597. П. 50.

именно в «Academia», соответствовал бы его миссии усовершенствования и новаторства. Вторым критерий был едва ли более актуален. Наличие идеологически оформленных сопроводительных материалов позволяло узаконить издание очень небольшого числа книг, с юмором квалифицируемых Луначарским как «ядовитые книги», а ограниченный тираж изданий еще больше уменьшал опасности, которые такие книги представляли для читателей. Третий критерий также содержал два противоположных требования: формальное совершенство и доступность.

Одновременное применение этих трех критериев отбора давало непредсказуемые результаты. Один и тот же критерий приводил к разным, иногда противоположным последствиям. Стандартизированные формулировки протоколов заседаний Редсовета подчеркивают весьма случайный характер принимаемых решений. В 1931 г. проект публикации «Избранных произведений» Расина был принят на следующих условиях: «Автор давно по-русски не издавался. Существует перевод “Федры” — Брюсова, но он для печати не годен, ввиду неадекватности формы перевода с подлинником. Автор — необходим при изучении театра и литературы. Возможные переводчики Ахматова, Ержевский».

В тот же день, несколькими минутами ранее, о проекте публикации Корнеля, очень похожем на предыдущий, Редсовет вынес иное мнение, отклонив предложение Бориса Ярхо. Согласно протоколу Ярхо сказал следующее: «Автор давно по-русски не издавался. Существующие переводы не удовлетворительны. Желательно иметь новый перевод».

Редсовет постановил: «Ввиду аристократическо-дворянской тенденции автора, от издания отказаться, но иметь в виду для 2ой очереди».

Предложение опубликовать сказки Перро было отклонено по тем же причинам: «Ввиду чуждой нам идеологической установки, а также малого интереса сказок для взрослого чтения, от издания отказаться, но иметь в виду для 2ой очереди».

«Принцесса Клевская» была включена в производственный план в качестве «первоклассного памятника литературы». Случай «Стеллиу» де Виньи типичен необязательным, даже произвольным характером решения. Читаем в протоколе того же собрания: «По мнению Виноградова, книга является памфлетом на французскую революцию, исходящим из среды романтиков, и характеризует момент феодальной реакции. В этом отношении книга показательна и заслуживает изучения»²³.

²³ Протокол заседания Редакционной коллегии издательства Academia по выработке редакционного плана по отделу французской литературы XVII–XX вв. 6 марта 1931 // РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 597. П. 33.

Первая часть этого заключения предполагает, что книга не будет опубликована, вторая говорит об обратном. Решение Редсовета было положительным, но книга не была издана. Только Расин из упоминаемых авторов появился в «Academia» (см. *Расин Ж. Сочинения: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1937*). Решения Редсовета показывают, что официальные критерии отбора книг носили декларативный характер. Фактически они выполняли роль обманок. Эфрос часто намекал на тот факт, что предлагаемое к публикации произведение уже существует на книжном рынке²⁴. Этот факт не имел особого значения: книги «Academia» разлетались как горячие пирожки, вероятность того, что рынок не поглотит новое издание, была небольшой. Аргумент просто означал, что Эфрос по причинам, которые он не хотел обсуждать открыто, был против публикации рассматриваемой книги. Не дадим себя обмануть доводам, выдвигаемым участниками заседаний «Academia». Тактический смысл высказываний на заседаниях Редсовета, часто столь же безапелляционных, сколь и необоснованных, и принятых решений очевиден. Эти решения, вероятно, больше зависели от того, кто выдвигал предложение, его поддержки в «Academia» и в других местах, чем от качества рассматриваемой книги. Кроме приведенных критериев культурного и идеологического характера реальный выбор, сделанный Редсоветом, определялся балансом сил между конкурирующими авторами. Помимо символического интереса (престижа), одной из главных целей в этих странных словопрениях была цель материальная (авторский гонорар). Консенсус членов Редсовета по вопросу об опубликовании — или неопубликовании — произведения часто основывался на более или менее прочной солидарности или вражде, но союзы менялись. В 1931–1932 гг. и Тихонов, и Виноградов находились в конфликте с директором «Academia» Ильей Ионовым, но впоследствии Виноградов регулярно жаловался на враждебные решения главного редактора «Academia» Тихонова по отношению к нему (см. Приложения 9, 15, 16).

Присутствие в руководящих органах «Academia» советских сановников, таких как Луначарский и Луппол, а также противников Сталина, таких как Владимир Невский или Ивар Смилга, не имело никаких политических последствий для деятельности издательства. Самые смелые издательские проекты, иногда выбор переводчиков, попавших в немилость к власти, вроде Ахматовой, не обязательно осуществлялись теми сотрудниками «Academia», чьи головы вскоре покатались. Политика и идеология присутствовали в позициях руководства

²⁴ Там же. П. 39.

и авторов, но они использовались главным образом в конфликтах иного характера, в которых авторы вели себя как предприниматели, озабоченные объемом своей продукции и выгодами, которые они могли бы извлечь. Для осуществления индивидуальной инициативы, к чему стремилась «Academia» при наличии как открытой, так и скрытой конкуренции, редакция должна была быть защищена, пусть даже ненадежно, от политической напряженности, от которой страдал весь издательский сектор и, шире, мир культуры того времени.

Автономия «Academia» была, конечно, неполной и эфемерной. С момента реорганизации в конце 1920-х гг. издательство находилось в ведении ГИХЛ и, шире, ОГИЗ (см. Приложение 2). Производственный план «Academia» должен был быть одобрен СПП²⁵. План был не очень обязывающим. В одном из протоколов заседаний Редсовета говорится: «На предложения, поступающие со стороны, не предусмотренные планом, отводится 10–15 % плана» (см. Приложение 3, п. VII). Опасности, угрожавшие «Academia», исходили не от административных, а от политических властей. Власть имела возможность в любой момент ликвидировать издательство, что она и сделала в 1937–1938 гг.: «Academia» была поглощена «Госиздатом», собственные структуры исчезли. До этой катастрофы «Academia» находилась под контролем верховных властей и терпела их вмешательство. Мы находим в архивах некоторые директивы, которые могли быть спущены сверху. В 1937 г. секретарь Л. Полонская сообщила Смирнову, что ей звонил Андрей Андреев, член секретариата ЦК ВКП(б): он просил ее вставить в еще не изданные тома Шекспира больше иллюстраций по сравнению с уже вышедшими томами²⁶. Это показывает, что партия не только интересовалась основными направлениями редакционной политики «Academia», но и следила за его продукцией так же внимательно, как и за деятельностью других издательств. Более того, в случае необходимости руководство «Academia» само стремилось к вмешательству высших уровней власти. В 1932 г. Горький, председатель редколлегии «Academia», обратился за поддержкой лично к Сталину, чтобы отстранить Ионова от руководства (письмо М. Горького И. Сталину. 25 января 1932) [1, т. 21, с. 45–46]. Запрос конкретных указаний, сформулированный Янсоном в письме в ЦК, свидетельствует о том, что до сих пор, то есть до убийства Кирова, в «Academia» не было принято получать такие маршрутные листы (см.

²⁵ Протокол совещания Секретариата ССП СССР по поводу обсуждения плана издательства «Academia» на 1935 г. 1 ноября 1935 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 8.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 13. Дата: 7 марта 1937 г.

Приложение 17). Это письмо последнего директора «Academia» в ЦК знаменует собой вступление в силу новых практик, гораздо более вертикальных, чем предыдущие, что подчеркивает как реальность того пространства для маневра, которое было у издательства ранее, так и его хрупкость.

Каменев был арестован в декабре 1934 г., Смилга и Невский, руководители серий, были арестованы чуть позже. Однако какие бы побочные эффекты ни исходили от мира политики, «Academia» оставалась островком независимости даже после поворота к репрессиям, начавшегося в начале 1935 г. С этой точки зрения показательно, что издательство осталось в стороне от кампании орабочивания, которая бушевала в других издательствах с начала 1930-х гг. До роспуска издательства в нем не велась охота на интеллигенцию, ненавистную сторонникам «новой культуры». Классические представители интеллигенции продолжали работать в «Academia» и занимать там ответственные должности. Впрочем, их спокойствие было относительным. Сотрудники «Academia» работали в нескольких издательствах, и охота на ведьм, начатая в других местах, могла захватить «Academia», как показывает мучительный путь Виноградова. Конфликт с Ионовым в 1931–1932 гг., по-видимому, связан с клеветнической кампанией против Виноградова в издательстве «Федерация». Даже после увольнения Ионova Виноградову не удалось вернуться на работу в «Academia», несмотря на поддержку Горького, автора предисловия к одному из его романов, выдержавшему четыре издания в 1930-е гг.²⁷ Его враги вне стен издательства «Academia», возможно, помешали его возвращению в издательство в качестве постоянного сотрудника.

Негласные условия конкуренции

Несмотря на очевидную жестокость конфликтов, которыми была отмечена деятельность «Academia», отношения внутри издательства не были «войной всех против всех». В действительности мы наблюдаем целый ряд неформальных способов урегулирования отношений в русле обычной практики, которая снимала напряженность между авторами и давала возможность продолжить редакционную деятельность: нельзя убивать курицу, несущую золотые яйца. Были созданы условия для конкуренции, принятые всеми авторами. Такого рода негласные правила игры соответствуют тому, что Бурдые называет *совместной игрой* (“*collusio*”): «Непосредственное согласие по пово-

²⁷ Виноградов А.К. Три цвета времени. М.: Мол. гвардия, 1931. 636 с. (и др.)

ду способов суждения и действия, которое не предполагает ни сознательного общения, ни, тем более, договора, есть *совместная игра* (*collusio*), которое служит основой практического взаимопонимания, парадигма которого сходна с взаимопониманием, которое устанавливается между партнерами по команде, несмотря на антагонизм, существующий между игроками» [8, р. 173].

Здесь совместная игра означала, что в ожесточенной борьбе за авторские гонорары у большинства конкурентов оставалась надежда что-то выиграть, несмотря на неравенство сил, которыми располагал каждый игрок, и мертвую хватку некоторых из них, охотившихся за самыми выгодными контрактами.

Из протоколов заседаний Редсовета видно, что между внесением в производственный план («включить в план» или «принять к изданию») и полным отказом («отклонить») от предложения существовала целая градация промежуточных мнений. Включение в план предложения о публикации могло сопровождаться оговорками («условно принять»). Редсовет мог запросить дополнительное мнение, потребовать переписать предисловие. Постановление Редсовета, помеченное следующим образом: «Направить к производству полностью весь том (Слепцова. — С. Р.) со статьей Чуковского» — предполагает, что такого рода решение, благоприятное для всего тома, не было автоматическим (см. Приложение 1, п. 11). Речь идет о книге «Сочинения» Слепцова (М.; Л.: Academia, 1932–1933). Действительно, часто случалось, что утверждались только отдельные части книги. В этом случае ее издание приостанавливалось до выполнения предписаний, сформулированных Редсоветом в отношении остальных частей. Поэтому полная реализация издательского проекта могла занять годы. Так обстояло дело со вторым томом «Песен» Беранже или с изданием избранных произведений Расина.

При этом отказ от включения книги в план абсолютно не мешал ее изданию. Существовала «вторая очередь», в которой были произведения, замещающие те, которые считались приоритетными, но по тем или иным причинам не быть изданы. В случае пахнущей серой серии «Мастера стиля» «вторая очередь», представленная по плану на 1931 г., оказалась длиннее «первой очереди». В него вошли 15 наименований против 11²⁸.

Значительная часть предложений, принятых Редсоветом, в том числе из списка первоочередных, не были реализованы. Объявлен-

²⁸ АГ. КГ-изд 2-19-1. 3-летний план производства изд-ва «Academia» на 1931–33 гг. 24 дек. 1930.

ная несколько раз в протоколах публикация мемуаров восхваляемого Сталиным автора Августа Бебеля²⁹, уже неоднократно выходивших с 1917 г., несколько раз откладывалась; книга так и не была издана в «Academia». Книги «второй очереди» на самом деле имели немногим меньше шансов быть опубликованными, чем книги «первой очереди». Редсовет нередко предлагал включить отвергнутые книги в расширенные планы ценой сокращения их объема. Такое издание, изначально задуманное как отдельное издание, возможно, в нескольких томах, могло быть включено в облегченном варианте в тематический сборник: неудача его редактора не была, в итоге, тотальной, оставалась какая-то часть оригинального проекта. Так спорный проект публикации внушительных «Парижских ночей» Ретифа де ла Бретонна был включен в план, но в одном томе³⁰. Эти частые и разнообразные компромиссы смягчали жесткость решений и придавали соперничеству между авторами некое равновесие.

Если мы посмотрим протоколы Редсовета «Academia» за несколько лет и продукцию, фактически выпущенную издательством, мы увидим, что в распределении контрактов играли роль неформальные механизмы компенсации, раздела, препятствующие созданию монополий.

Прежде всего, доминирующей тенденцией было рассредоточение задач. Над первым томом Макиавелли, вышедшим в 1934 г., работали не менее пяти переводчиков, причем том снабжен двумя предисловиями — одно Каменева, другое Дживелегова (см.: *Макиавелли Н. Сочинения*. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1.). Хотя наиболее влиятельные авторы стремились получить в своих интересах исключительные права в какой-то из областей, которые обеспечили бы им приоритет в выполнении почти всех редакционных обязанностей в определенных издательских проектах, «Academia» отдавала предпочтение проектам, в которых участвовало несколько авторов. «Бедный студент» Валлеса, «Ирландские саги» были исключением. Издание «Евгений Гранде» в переводе Достоевского является примером того, как автор, в принципе наиболее компетентный в своей области, как Гроссман, тем не менее должен был предоставить возможность другому автору написать предисловие, с которым он вполне бы справился сам: рядом с предисловием Гроссмана есть второе — Владимира Гриба.

В сериях французской и итальянской литературы, руководимых авторами, наделенными исключительным влиянием, Эфросом и

²⁹ Сталин И.В. Август Бебель, вожь германских рабочих // Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 201–208.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 597. П. 22.

Дживелеговым, заметим, что рядом изданий руководили весьма авторитетные сотрудники других серий, как, например, Мокульский или Смирнов. Издание серий шло слишком интенсивно, чтобы их руководители могли в деталях следить за выполнением проектов, но, похоже, помимо материальных ограничений «Academia» препятствовала сосредоточению обязанностей в одних руках. Каким бы могущественным ни был Эфрос, ему приходилось считаться со своими главными соперниками в борьбе за авторские гонорары, отдавая им руководство проектами, составляющими сердцевину «его» серии. Думается даже, что речь идет о практике перекрестного участия. Дживелегов руководил изданием Бомарше, вышедшим в серии французской литературы, а Эфрос — изданием Данте в серии итальянской литературы (см.: *Бомарше П.* Трилогия. М.; Л.: Academia, 1934).

В многотомных изданиях тоже наблюдалась тенденция к разделению обязанностей. Чаще всего за каждый том отвечал отдельный редактор. Лицо, ответственное за все издание, часто не выполняло других обязанностей или выполняло только одну, таким образом оставляя поле деятельности открытым для нескольких других авторов, которые писали предисловия, примечания, комментарии и, кроме того, редактировали переводы и сопроводительные материалы.

Издание трилогии Валлеса показывает, что дело могло пойти еще дальше. Круговая порука, принятая и поддерживаемая всеми авторами, была своего рода *омертвой*. Существовавшая практика, выгодная для всех участников и не очень прозрачная, позволяла переводить рукопись из одной категории в другую, более дорогостоящую. Переводы Валлеса Полиной Нейман официально считались оригинальными, но на самом деле они уже были опубликованы под ее именем или под именем ее мужа Гимельфарба. Последний их просто ретушировал. Точно так же бесконечное введение Гимельфарба к «Бедному студенту» на самом деле было лишь добавлением воды в предисловие, уже опубликованное в другом издательстве [6]. Гимельфарб и Нейман никого не обманывали в «Academia». Переквалификация рукописей была старой и широко распространенной практикой в издательском мире, особенно среди бывших сотрудников издательства «Всемирная литература», выгодной для всех. Никто не был заинтересован в том, чтобы эта практика прервалась. Несмотря на дополнительную финансовую нагрузку, руководство «Academia» закрывало на это глаза.

В «Academia» никто не докапывался до сути, поэтому там не было скандалов, жертвой которых в ФОСПе стал Виноградов. Сторонники «новой культуры» пригвоздили к позорному столбу Виноградова за то, что он представил свои старые переводы как новые, не внеся

никаких изменений. В издательстве «Федерация» *совместная игра* (*collusio*), сохранявшееся в «Academia», была невозможна из-за охоты на старую интеллигенцию [4, с. 407]. Симптоматично, что в своих яростных нападках на Гимельфарба Фридлянд воздержался от указания на то, что работа четы Нейман-Гимельфарб мошеннически выдается за оригинальную. Хотя очевидно, что эта сторона вещей не могла ускользнуть от него.

В отличие от многих других издательств «Academia» позволяла творческой интеллигенции, которая, как, например, Корней Чуковский, в совокупности считала себя «бедной» и очень трудолюбивой, делить между сотрудниками значительные доходы [7, с. 75]. Гонорары, которые удавалось получить определенному числу сотрудников «Academia», были настолько высоки, что становится трудно серьезно относиться к альтернативной политической и культурной ориентации издательства. Официальная редакционная политика «Academia» производит впечатление поисков возможности удовлетворить аппетиты ее сотрудников, чей финансовый успех в конечном счете оказывается наиболее ощутимым результатом ее напряженной деятельности. Действительно, вклад «Academia» в увеличение доходов ее авторов очевиден, в то время как достижение ее культурных целей в большом числе случаев вызывает скептицизм.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тексты документов набраны в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла. Используются следующие сокращения: АГ — Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

1

ПРОТОКОЛ № 1

Заседания редакционной коллегии Издательства «Academia»

Совместно с ответственными работниками Изд-ва.

10 декабря 1931 года

Присутствовали: т. т. И.И. Ионов, И.С. Ежов, И.Е. Гершензон, В.И. Невский, Л.Б. Каменев, А.Н. Тихонов, М.П. Сокольников, П.И. Лебедев-Полянский, А.К. Виноградов.

Председатель — т. Ионов.

Секретарь — Антокольская

1. По предложению [sic] т. Ионина заседание заслушивает информацию т. Ежова о положении Издательства с бумагой.

Принять к сведению, что продукция в производстве и частично редакционный портфель — в первом квартале 1932 г. будет обеспечен бумагой высшего качества.

2. Информация т. Ежова — общая характеристика составленного сейчас редплана на 1932 г. из расчета 15 млн. л. отт.

План включает в себе производство, редпортфель и старые и новые договора, срочные в 1932 г. План этот совершенно реален.

Т. Гершензон полагает, что для перехода на 1933 год необходимо план увеличить, иначе в следующем году образуются прорывы.

Т. Ионов поясняет, что в этот план не вошел целый ряд изданий, организуемых в настоящее время и предстоящих в течение 1932 года. Таким образом к 33 году Издательство будет располагать достаточным резервом для продолжения работы.

Информацию принять к сведению. Констатировать необходимость тщательной подготовки и проработки рукописей, что влечет за собой медленное прохождение рукописей.

3. Сборник «Тютчев и его время»
Рукопись задержана изданием
ввиду отзыва т. Лелевича
Контрольный отзыв т. Лебеде-
ва-Полянского.	От издания «Сборника Тют-
чев и его время» отказаться
4. Тютчев Сочинения
отзыв Лелевича, требующий
переработки статьи Благого	Поручить т. Лелевичу пере-
говорить с Благим и проследить
переработку его статьи.
5. Мейзенбург Воспоминания
идеалистки.
заклучение Пом. Зав. Изд.
т. Тихонова	Отказаться от предисловия
Машкеевой и вновь отредакти-
ровать перевод.
6. Короленко С. В. Жизнь
В. Г. Короленко / материалы для
биографии/
отзыв Бельчикова	От издания отказаться.
7. Эредиа. Сонеты	Поручить т. Ионову в Двухне-
дельный срок дать окончатель-
ное заключение о целесообраз-
ности издания нового перевода
«Трофеев».
8. Жихарев. Записки театрала
отзыв Бродского благоприятный.	От издания «Записок театра-
ла» отказаться.
9. Чехов. Встречи и впечатления.	Редактирование рукописи по-
ручить т. Сокольникову.
10. Письма Тургенева к Аннен-
кову.
п/ред. Мендельсона	Принять к изданию.
11. Слепцов. Сочинения т. 1
отзыв Невского / контроль-
ный/	Направить в производство пол-
ностью весь том с статьей Чуков-
ского «О слепцовой коммуны».

12. Гете. Избранная лирика
готова в сдаче в производство.
13. Гете. Фауст
Издание организуется
14. Гете. Римская элегия
оформление заказано худ. Нивинскому / роскошное издание
15. Соболев. История украшения тканей.
контр. отзыв Федорова-Давыдова и запрос К-ва «Художник»
16. Летопись жизни Н. Г. Чернышевского
новое предложение — рукопись готова.
Отзыв Каменева.
17. Сатира 60-х годов.
предложение Кравцова и Морозова.
Предлож. «Молодой Гвардии» отпадает, т.к. набор книги сыпан и авт. договор расторгнул [sic].
18. Амур Санан. Мудрешкин сын
Автор предлагает переиздать его книгу.
19. Персидский театр
предложение Галунова
- На издание этих книг обратить сугубое внимание как на юбилейное изд. Как в смысле оформления, так и аппаратуры
- Ввиду трудности организации марксистского предисловия, ограничиться использованием статьи Пуришева.
- Совместно с Федоровым-Давыдовым организовать издание книги «История украшения тканей», включив в нее буржуазное и советское искусство украшения тканей. Привлечь к работе по составлению издания К-в «Художник» и Клейна.
- Принять к изданию
- Условно принять к изданию. Дать на отзыв и заключение т. Невскому.
- Каменеву на просмотр.
- Предложение отклонить.

20. Брусилов. Воспоминания
/Военгиз предлагает передать
«Academia» второе издание/
- От переиздания «Воспоминаний» Брусилова отказаться.
21. Палех — Предложения Вихрева и изд. «Недра»
и Бакушинского «Искусство Палеха»
- Признать желательным издание двух книг:
1/ посвященный селу Палехи и отдельным его художника [sic].
2/ посвященной искусству Палеха /с 40–50 цветн. воспроизведениями/
Организовать эти издания поручить т. Бакушинскому.
Просить Горького дать предисловие.
22. Гамсун. Виктория, Пан, Голод.
- Проверить старый перевод «Пана» и «Голода». Поручить Дьяконову новый перевод «Виктории».
23. Диккенс. Записки Пикквикского клуба
предисл. Ланна, Кривцовой, Шпета.
- Принципиально признать желательным издание нового перевода. Организацию издания отложить до представления переводчиками II тома «Записок».
24. «Летопись»
«Сказания и повести о смутном времени»
- Отклонить.
- «Автобиография Амин-Тимура и Чинги-Хана»
Предлож. пр. Панова.
- Принять к изданию.
25. Несобранные тексты Пушкина
предисл. М. Цявловского
- Вопрос об издании отложить до приезда Луначарского и издание связать с Академией Наук.

26. Рисунки Пушкина	Вопрос отложить впредь до рассмотрения редплана на 3 года.
27. Гримельсгаузен
Симплиссимум [sic]
предисл. Морозова, Жирмун-
ского, пер. Бородиной.	Отклонить.
28. Бодлер. Цветы зла
предисл. Альвинга	Вопрос отложить впредь до рассмотрения трехлетнего плана.
29. Дынник «Трубадуры»	Отклонить.
30. Железнов. Сказания об
уральской старине
предл. Правдухина	Организовать издание книги о национальном кино /со включением Белоруссии и Украины/. Привлечь для организации издания т. Сутырина и других.
31. Аршаруни и Вельтман
Восток в кинематографии	Принять к изданию — в современном оформлении, по плану, предложенному Соколовым.
32. Былины
предл. Соколова	Отклонить.
33. Ап. Григорьев. Стихотворе-
ния предл. Спиридонова	Условно принять к изданию. Поручить аппарату Изд-ва организовать это издание.
34. Чулков, М.Д. Избр. сочине-
ния предл. Шкловского.	Отложить до приезда Луначарского, а переводы предварительно дать на отзыв с точки зрения мастерства.
35. Рильке
А. Эфрос представил прозу и
стихи для дополнения тома.	Просить т. Каменева ознакомиться с этим произведением.

36. Джойс Уллис предл. С. Ди-
намова

/включ. в план/

Предст. план издания.

37. Сборник статей, посвя-
щенный русской журналистике
70-х и 80-х годов.

п/ред. Лебедева-Полянского.

Предложение Отдела крити-
ки и публицистики ГАИС.

Принять к изданию.

38. Рыт. Теория и практика
перевода. Рекоменд. Виноградо-
ва /треб. серьезн. маркс. предис-
ловие/, рукоп. на отзыве у Ярхо.

После отзыва т. Ярхо послать
для консультации о порядке изда-
ния ак. Н. Я. Марру.

39. Эрзянский эпос
пер. Маркелова
Ю. М. Соколов предлагает на-
писать вступ. статью.

Бурятская эпопея

пер. Санжеева

отзыв Богораза.

Нартовский эпос

пер. Гатуева.

Детально разработать план из-
дания фольклорной литературы и
литературы народов СССР.

Поручить членам Редколлегии
предварительно ознакомиться с
представленными первыми двумя
рукописями, образец перевода Га-
туева направить на отзыв специ-
алиста.

40. История русской журна-
листики в 3 томах /до 75 п. л./
до 1917 г. /издание рассчитано на
3 года / по тому в год/

Предл. Лебедева-Полянского.

Признать предложение прием-
лемым.

Просить т. Лебедева-Полянского
представить подробный план
издания.

41. Дневник Донато Веллутти
Автобиография [неразб.]рдано
/предлож. Гуковского/

Запросить отзыв Дживилегова
о целесообразности издания этих
книг.

42. Гарди Мэр Кестербридж
Предл. Ланна

Отклонить.

43. Виноградов «Париж и
июльская революция по пись-

Отложить до рассмотрения
трехлетнего редплана.

мам братьев Тургеневых» /предложение/

44. Петрашевец Толль
Предл. Долинин	Отклонить.
45. Предложения Ленинской
Биб-ки
1/ Рисунки Тома-де-Томон
«Путеш. по Италии»
2/ Рисунки карикатуриста Со-
колова к «Ревизору» и «Мертвым
душам»	Принципиально признать из-
дание желательным и интересным.
Зтребовать [sic] планы изда-
ния.
46. Мазон предлагает издать
208 новых писем к Тургеневу
Предс. План издания.	Принять к изданию
47. Бебель Мемуары
С примечаниями Зиновьева
Принять к изданию.	Принять к изданию.
48. Орсини Феличе
Предл. Каменева
/включено в план/	Принять к изданию.
49. Герцен. Былое и думы	При согласии ГИХЛ'а всту-
пить в переговоры с редактором
Каменевым о переиздании трех
томов «Былое и думы». О ха-
рактере издания сговориться с
Гл. редактором.
50. Об издании новых архивах
материалов.	Просить т. Невского поручить
кому либо и иметь самому за
этим наблюдение — порыться в
архивах Лен. Биб-ки для розыска
материалов.
51. О порядке информирова-
ния читательской массы об изда-	Разработать проект рекла-
мирования изданий «Academia».

ниях «Academia»

Признать желательным информацию в печати /в газетах /, а также издание проспектов-вкладок в каждой книге, а также каталогов.

52. Рисунки Пушкина

Принципиально признать желательным издание. Наметить комиссию для организации издания — т. Невского, Цявловского и др.

Председатель
/ И. Ионов /

Секретарь
/ Антокольская

Комментарии

АГ. КГ-изд. 2-4-1.

2

ПРОТОКОЛ

Совещания при ОГИЗ по вопросу о плане развития работы издания «Академия» и о распространении его продукции — от 20/IV-32 г.

Присутствовали: т. т. Халатов, Коссаковский, Соколов /ОГИЗ/, Луначарский, Ежов, Чагин, Тихонов /«Академия»/, Браздилович и малышева /«Международная книга»/.

Председатель — Халатов
Секретарь

Постановили:

1. Одобрить предпринятую изд-вом «Академия» работу по составлению ред. издательского плана на ближайшие три года /1931–33 г.г./, признав необходимым закончить разработку и уточнение этого плана в течение ближайшего месяца.

2. Утвердить ориентировочно редакционно-издательские планы «Академия» на 1932 г. — в объеме 10–12 млн. оттисков и на 1933 г. — минимум в 15 млн. л. отт.

3. Принять к сведению сообщение т. Ежова, что при отпуске изд-ву в течение первого квартала 40 тонн бумаги / плановой норме 50 тонн/ и учитывая остатки на 1 января, изд-ву в течение этого квартала был обеспечен выпуск 1(?)200 тыс. отт.

В случае реального обеспечения отпуска во втором квартале намеченных комитетом по Делах Печати 50 тонн бумаги — изд-во сможет выпустить в течение первого полугодия 3,5–4 млн. отт.

4. Подтвердить размер годового редакционно-издательского плана «Академии» на 1931 г. в 7 млн. отт., сто дают рост продукции издательства почти вдвое по сравнению с продукцией прошлого года.

5. Для обеспечения надлежащего качества внешнего оформления продукции изд-ва «Академия» — вновь подтвердить непосредственно полиграфической базе изд-ва Ленинграда: тип. им. Е. Соколовой, Печатному Двору, тип. им. И. Федорова и др. Предприятиям — данное им указание о необходимости обратить максимальное внимание на качество работы по выпуску изданий «Академия».

Предложить правлению «Академии» проработать вопрос об установлении специального фонда для премирования работников полиграфических предприятий за особо выдающуюся работу по выпуску изданий «Академии».

6. Поручить т. Тихонову в месячный срок подготовить соглашение с Гознаком о сосредоточении там лучших художественных изданий «Академии», предназначенных, главным образом, на экспорт, обращаясь, в случае необходимости, за содействием по этому вопросу у т. Халатова.

7. Принимая во внимание экспортный характер выпускаемой «Академией» продукции — обратиться в Союзбумагу с требованием отпускать для изд-ва «Академии» бумагу, по своему качеству равную № 6 выработки 1926–1929 г., а также особые сорта бумаги по специальным заказам «Академии»; добиться также соответствующего указания по этому вопросу Союзбумаге со стороны Наркомвнешторга.

8. Принять к сведению сообщение председателя «Международной книги» т. Браззиковича, что по предварительным данным за первый квартал из экспорта текущей литературы на долю изданий «Академии» падает 25–30 %. Предложить «Международной книге» проверенную и уточненную справку по этому вопросу сообщить изд-ву «Академия» и Книгоцентру в течение ближайших пяти дней.

9. а/ В целях обеспечения выполнения намеченного Наркомвнешторгом годового экспортного плана по вывозу произведений печати, рекомендовать «Международной книге» обратить особое внимание на усиление своей работы по вывозу изданий «Академии» и в двухдекад-

ный срок выработать согласованные с Академией мероприятия, обеспечивающие усиление выполнения указанного плана по экспорту.

б/ Учитывая, что ориентировочные данные первого квартала показывают, что годовой экспорт продукции «Академии» выражается в цифре около 100 тыс. р., что по отношению к общему обороту этого изд-ва составляет незначительную долю, поставить ближайшей задачей добиться увеличения экспорта до 20–25 % от общего плана «Академии». При этом изд-ву «Академия» при окончательном уточнении своих планов следующих двух лет — 1932 и 1933 г.г. — совместно с Международной книгой особо проработать ту часть их, которая предназначена для экспорта, в дальнейшем не останавливаясь перед тем, чтобы отдельные издания выпускать ограниченными тиражами и в подавляющей части бронироваться Международной книгой.

в/ Поручить правлению «Академия» проработать вопрос о возможности издать русских авторов в особо художественном оформлении в переводах на иностранные языки.

10. Рекомендовать правлению изд-ва «Академия», начиная с этого квартала, пересмотреть политику цен на ряд изданий /по особому списку/ в направлении повышения их стоимости, предупредив тем самым имеющую место в последнее время продажу ряда книг изд. «Академия» по спекулятивным ценам.

11. Поручить т. Тихонову разыскать в Москве и Ленинграде рукописи бывшего изд-ва «Всемирная литература» в целях их использования по линии «Академия».

12. В связи с намеченными планом развития работы изд-ва «Академия» — подтвердить, что «Академия» и в дальнейшем должна функционировать, как самостоятельное издательство, входившее в систему ОГИЗ, но по своей текущей работе связанное с ГИХЛ'ом, с которым оно согласовывает свои планы. В связи с этим, «Академия» имеет свой промфинплан, Правление, марку и т. д. Наряду с Правлением изд-во «Академия» образует редакционный совет, возглавляемый глав. редактором, являющимся одновременно членом правления изд-ва. Состав редакционного совета, по предложению Главного редактора, утверждается пр-нием Изд-ва.

Комментарии

АГ. КГ-изд 2-5-1.

3

ПРОТОКОЛ № I
заседания редакционного совета издательства «Academia»
состоящегося 25-го мая 1932 года

Присутствовали: члены Редсовета т. т. А.М. Горький, Л.Б. Каменев, И.К. Луппол, Б.П. Волгин, И.Т. Смилга, Б.С. Пшибышевский, М.Н. Розанов, А.К. Джигелегов, В.А. Гордлевский, А.Н. Тихонов, И.С. Ежов, В.И. Невский, П.И. Лебедев-Полянский.

Приглашенный: М.И. Сокольников /Зав. произв. отделом «Academia»/

Председатель — Л.Б. Каменев.

Повестка заседания.

1. Общие задачи издательства и информация о фактическом положении дела.

2. О плане издательства.

3. Текущие дела.

Слушали:

I. Сообщение, сделанное т. Л.Б. Каменева о задачах издательства «Academia» в связи с настоящим его положением.

Постановили:

Согласно обмена [sic] мнений, в котором приняли участие все присутствующие, утвердить тезисы об общих задачах издательства «Academia» в следующей редакции:

I. Издательство «Academia» имеет своими специальными задачами:

а/ дать книжную продукцию, стоящую на высоте современного полиграфического искусства, обеспечив усвоение высших достижений современ. европейской полиграфии и служа в этой области образцом для совет. издательства вообще.

б/обеспечить для своей продукции заграничный книжный рынок и расширять возможность экспорта советской книги за границу.

в/ планомерно создавать для советского читателя систематическую библиотеку выдающихся произведений мировой и русской художественной и мемуарной литературы, а также литературы по искусствоведению и литературоведению.

II. Для осуществления указанных задач план изданий «Academia» предусматривать в общих чертах [sic] следующие отделы:

1. Выдающиеся произведения мировой и русской художественной литературы. Необходимо включить в их ряд не только общепризнанные классические произведения, но и произведения «второго ранга», почему либо забытые или затертые предшествующей критикой, не документирующие революционно-демократические, атеистические и т. п. тенденции в истории мысли /типа «Фр. фон-Зикингена» Лассалля, произведений Ф. Пиа, поэтов револ. эпох /30 и 48 г. г. Коммуны и т. д. / Русские писатели этого ряда /Рылеев, Полежаев, Огарев и т. д. / даются в изд. полуакадемического типа /полные собрания, новые тексты и т. д. / Так называемые «избранные сочинения второстепенных писателей исключаются.

2. Мемуары, сборники писем, дневники, сборники материалов и пр. , способствующие ознакомлению с той или иной эпохой. Особое внимание должно быть обращено на издания этого типа, связанные с революционными эпохами / великой французской революции, 48 год и т. п. / или с крупными движениями общественной мысли в области литературы, публицистики, театра, искусства вообще. Сюда же относятся произведения, характеризующие быт тех эпох, которые особо знаменательны в истории литературы и искусства / век Людовика XIV, Елизаветинская эпоха в Англии, быт Вел. Фр. Рев. и т. д. /.

3. художественные издания, рассчитанные главным образом на экспорт:

а/ широко-иллюстрированные издания русских классиков / Евгений Онегин, «Кому живется весело...», «Казак» Толстого, «Детство» Горького/ народного творчества /былины, сказки и пр/.

б/ Работы, посвященные показу художественных сокровищ СССР / коллекции Эрмитажа, Третьяковской галереи, кустики, игрушка, Палех и т. д./.

в/ Город СССР / для интуристов/.

г/ Классическая книжка.

4. Фольклор — главным образом народов СССР.

5. Книги по искусствоведению и литературоведению, посвященные или воспроизведению произведений выдающихся представителей искусства прошлого / живописи, скульптуры, театра, лит. критики / или характеристике их искусства.

6. Пособия, справочники по истории литературы и искусства / словари, летописи жизни и т. д. /.

Примечания:

1. Современная литература не входит в план «Academia»: последний доходит до 80–90-х г. г. XIX ст.

2. План изд. классиков согласуется с планом ГИХЛ'а. (...)

III. Сообразно своим бумажным и полиграфическим возможностям «Academia» многотиражных изданий. Ее задача — дать книгу-стандарт, образцовую по тексту и оформлению, которая затем может быть воспроизведена в случае надобности массовыми издательствами. Тираж Изд. «Academia» 5–8 тыс. экз.

IV. Все названия «Academia» должны носить строго-научный и вместе с тем общедоступный характер. Издания памятников мировой художественной и мемуарной литературы, а также документов искусства, истории литературы и быта должны давать канонические тексты, строго проверенные с текстологической и документальной стороны, в сопровождении научного аппарата /вводные статьи, комментарии, примечания/, дающего истолкование данного памятника и его роли в человеческой мысли с точки зрения научного социализма. В научном аппарате изданий недопустимы ни т. н. «объективность», сводящаяся на деле к некритическому повторению залежалого хлама буржуазной «учености», ни упрощенство и вулгаризация, компрометирующие марксистские методы истолкования и критической переработки явлений мировой литературы предшествующих эпох истории.

V. В соответствии с этим издательство, совместно со своими сотрудниками должно обсудить и выработать тип научного аппарата /вводных статей, комментариев, примечаний/, который должен сопровождать ее издания.

VI. Каждое издание «Academia» должно представлять собой цельный совместной, коллективной работы текстолога /или переводчика/ комментатора и иллюстратора, работающих под общим руководством одного из членов Редакционного Совета /или специально указанного последним лица/. Эта коллективная работа должна обеспечить согласованность всех элементов данного издания и их соответствие общему принципу издательства: критическому усвоению и переработке культурного наследия прошлого с точки зрения новой пролетарской культуры.

Слушали:

2. Дальнейшее обсуждение тезисов, касающихся плана издательства «Academia» и назначение комиссии, подготовляющих отдельные части плана.

Постановили:

Тезисы, касающиеся плана издательства «Academia» принять в следующей редакции:

VII. Имеющийся «Трехлетний план» должен быть переработан с

указанной точки зрения. Переработка должна быть произведена путем предварительной работы комиссий, подготовляющих отдельные часть плана, который затем должен быть окончательно сверстан Редакционным Советом.

Ближайший годовой план должен включить до 200 названий. Работа комиссий должна быть закончена в 3 недельный срок.

Председатели комиссий.

Тов. И.К. Луппол — Председатель комиссии по литературе искусствоведческой и философско-публицистической / типа Эразма Роттердамского. Признать целесообразным привлечение к ближайшему сотрудничеству в комиссии т. Эфроса.

Тов. Б.П. Волгин — Председатель комиссии по литературе, касающейся социальных утопий.

“ И.Т. Смилга — Председатель комиссии по иностранной мемуарной литературе.

“ В.С. Пшибышевский — Председатель комиссии по немецкой и польской мемуарной литературе.

Проф. А.К. Дживелегов — Председатель комиссии по итальянской литературе.

Проф. М.Н. Розанов — Председатель комиссии по французской, английской и испанской литературам.

Проф. В.И. Гордлевский — Председатель комиссии по восточным литературам. Поручить т. Гордлевскому установить связь с ленинградской группой востоковедов через А.К. Крачковского.

Тов. А.Н. Тихонов — Председатель комиссии по художественно-экспортным изданиям.

“ В.И. Невский — Председатель комиссии по русской мемуарной литературе.

“ П.И. Лебедев-Полянский — Председатель комиссии по русской литературе.

Проф. Соколов — Председатель комиссии по фольклорной литературе.

Проф. Александров и проф. Шпет возглавляют комиссию по скандинавской литературе.

Тов. Ярхо — Председатель комиссии по средневековой книге.

“ Дживелегов — возглавляет комиссию по отделу театра.

“ Нилендер — Председатель комиссии латинской и греческой литературе.

Т. Невский и Тихонов — возглавляют комиссию по литературе о городах.

Т. Луначарский — комиссию по серии «Мастера стиля».

На предложения, поступающие со стороны, не предусмотренные планом, отводится 10–15 % плана.

Слушали:

3. Доклад тов. Тихонова об общих указаниях намеченным комиссиям относительно объема трехлетнего плана Издательства и о принципиальных установках при выборе тех или иных произведений.

Постановили:

Предложение тов. Тихонова принять и наметить приблизительно следующий объем трехлетнего плана, считая 33-й, 34-й и 35 г. г.

в 33 году — 20 млн оттисков

в 34 “ — 20 “ “

в 35 ≠ — 20 “ “ итого примерно 80 млн.

Оттисков, считая объем книги 20 авт. листов, тираж 7000 экз., получаем 600 названий, которые должны содержать план.

Эти 600 названий разверстать следующим образом:

на античную литературу, т. е. греческую и римскую — 4%, т. е. 24 томов.

“ средневековую литературу — 1%, т. е. 6 “

“ французскую “ — 12%, т. е. 72 “

“ немецкую “ — 10%, т. е. 60 “

“ англо-американскую “ — 12%, т. е. 72 “

“ итальянскую “ — 7%, т. е. 42 “

“ испано-португальскую “ — 7%, т. е. 42 “

“ скандинавскую “ — 3%, т. е. 18 “

“ польскую и славянскую “ — 10%, т. е. 60 “

“ русскую “ — 17%, т. е. 102 “

на искусствоведение — 4%, т. е. 24 “

на литературоведение — 3%, т. е. 18 “

на фольклорную литературу — 7%, т. е. 42 “

на восточную литературу — 7%, т. е. 42 “

Детская книга и др. — 7%, т. е. 42 “

Примечания:

1/ Специально-экспортные названия сюда не входят.

2/ Мемуары, история городов и социалистическая утопия распределяются по литературам.

Относительно принципиальной установки принять следующие положения:

а/ В состав Редплана входят прежде всего произведения классиков, т. е. такие, которые в наиболее совершенной литературной форме выявляют типичные особенности классовых соотношений данной эпохи, дают яркие характеристики представителей различных социальных групп, их психоидеологию, их нравы и бытовую обстановку эпохи. При этом следует избегать произведений мистического, религиозного, реакционного, упаднического и фривольного характера там, где вышеуказанные тенденции являются самоцелью, а не представляют собой явления, органически связанные с основной характеристикой описываемой эпохи или ее отдельных социальных групп.

б/ При составлении трехгодичного плана не следует руководиться соображениями о том, была уже издана или нет данная книга в предшествующие годы, имеется она, или нет в настоящее время на книжной рынке.

Слушали:

4. Об организации работы издательства «Academia».

Постановили:

Ни одна книга не может быть издана без одобрения Редакционного Совета, который собирается 1 раз в две недели. Текущая работа ведется совещанием в составе: т. т. Каменева, Тихонова, Ежова и Сокольниковых с привлечением соответствующих экспертов. При Издательстве организуется совет экспертов, которому докладываются планы издания, планы оформления и пр.

Согласно п. VI за каждую книгу /или группу книг / несет ответственность один из членов Редакционного Совета или специально назначенное лицо, которое следит за ней с момента ее заказа до выхода в свет.

Слушали:

5. Текущие дела.

1/ Сообщение тов. Каменева о положении дела с изданием обработки эпоса С. Клычкова и М. Плотникова.

Постановили:

Издать поэмы Клычкова и М. Плотникова вместе, одинаковым шрифтом, без сокращений, расположив текст а/ Статья Плотникова, б/ текст Плотникова, в/ текст Клычкова и дать небольшую вступительную статью от издательства.

Слушали:

2. Сообщение т. Каменева о наличии в портфеле «Academia» работы Вересаева о Гоголе по типу его работы о Пушкине.

Постановили:

Признать целесообразным передать работы Вересаева о Гоголе в другое издательство.

Слушали:

3. Сообщение т. Каменева о предложении Есениной-Толстой издать имеющиеся у ней неопубликованные письма Софии Андреевны Толстой. Всего 1000 писем, из которых издать предлагается 400.

Постановили:

а/ Принципиально признать возможным издать письма С.А. Толстой отдельной книгой в количестве около 400 писем.

б/ Поручить т. т. Каменеву и Невскому выяснить, кто является фактическим распорядителем этих писем.

Слушали:

4. Запрос т. Каменева о принципиальной установке в отношении издания Римских элегий Гете: издавать ли только 20 или же включить и 4 последних?

Постановили:

Издать все 24 элегий Гете.

Председатель:

/Л. Каменев/

Комментарии

АГ. КГ-изд 2-6-1.

4

Аннотированный список новых предложений и изменений редплана к заседанию редсовета

31-го марта 1933

I. Русские мемуары

1. Письма к дочери княгини Н.П. Голицыной, урожд. Чернышевой /1741–1837/ послужившей, согласно указанию Пушкина, прототипом старой графини в «Пиковой Даме». Письма представляют, главным образом, историко-бытовой интерес. Всего писем — 163 за 1820–26 г. г. , на французском языке, изданы они не были. Общий раз-

мер издания — около 20 листов. Голицын представил в виде образца 3 письма. Есть положительное заключение В.И. Невского.

2. Воспоминания Николая Морозова и Ксении Морозовой «Звездные песни». Содержат рассказ об освобождении из Шлиссельбурга, в судебном преследовании за (создание?) сборника стихов «Звездные песни» /1911/ о заключении по этому делу в тюрьме и т. д. Эти воспоминания отдельно изданы не были, но часть их печаталась в «Вестнике Европы». Общий размер — около 10 листов. Есть положительное заключение В.И. Невского.

3. «Записки Л.А. Оболенского» охватывающие период 1853–1876 г. Оболенский — крупный чиновник, товарищ министра, друг Аксаковых и Самарина, умеренный либерал, критически относящийся к Александру II и его окружению. Воспоминания содержат много фактов политической жизни эпохи. Опубликованы мемуары не были. Общий размер издания — около 30 листов. Есть положительное заключение В.И. Невского.

II. Иностранцы о России.

Предложение Историко-археографического Института Академии Наук.

4. Восточные путешественники о народах СССР. Редактор — Академик Крачковский.

5. Византийские и западно-европейские известия о дневней [sic] Руси [sic]. Редакторы — Б.Д. Греков и И.И. Троицкий.

6. Массон. Секретные мемуары о России. Редактор И.И. Троицкий. /Напечатаны были в «Голосе минувшего»/.

7. Чарторыйский. Мемуары. Редактор М.В. Джервис. /Текст тот же, что и в Некрасовском издании/.

III. Иностранные мемуары.

8. Предложение А. К. Дживилегова внести в план серии «Дневник» Пеписа /времена реставрации в Англии, вторая половина XVII века/. Интереснейший документ быта, имеющий мало равных себе. Пепис был внесен в первоначальный план серии, выпал по-видимому случайно, в окончательной сводке.

9. Предложение Редсектора об исключении из серии мемуаров Коссидьера, так как его воспоминания литературно бледны, неталантлив, читаются скучно, познавательного дают не очень много.

10. Предложение В. Хвостова о включении в план серии переводов, вышедших в Германии в 1930–31 г. Мемуаров князя Бюлова, рейхс-канцлера при Вильгельме II. Общий размер двух томов — 60 листов.

IV. Немецкая литература.

11. Предложение редактора серии В.С. Пшибышевского о включении в план серии двух томов избранных романтических новелл — Тика, Эйхендорфа, Клейста, Мериме, Брентано, Штифтера, Шторма. Общий размер двух томов — около 40 листов.

V. Итальянская литература.

12. Предложение редактора серии А.К. Дживилегова об издании «Новой науки» и автобиографии Вико /XVII век/. От издания Вико отказывается издательство Федерация. Общий размер — 30 листов.

13. Предложение А.К. Дживилегова об исключении из плана «Якопо Ортис» Фосколо, в виду выхода этой книги в серии «История молодого человека» и замене ее произведением Фанфани «Чекко Д'Асколи», историческим романом из эпохи Данте об ученом, казненном инквизицией. Роман написан в 70-х годах XIX века.

VI. Художественные издания.

14. Предложение отдела искусства рабовладельческих обществ Государственного Музея Изобразительных Искусств об издании альбома памятников древне-египетского искусства из собрания Музея /40–50 таблиц/.

15. Предложение А.В. Филипова об издании альбома «Древнерусские изразцы» /XVI–XVIII века/ из разных собраний в частности из Исторического Музея /всего около 300 рисунков/. Имеется положительная оценка Комиссии Государственного Исторического Музея, указывающая на серьезность работы и крайнюю бедность соответствующей литературы.

16. Предложение С.С. Ольденбурга, Елены Ольденбург и сектора Востока Эрмитажа об издании альбома, воспроизводящего собрание старинных терракот и терракотных фрагментов из Хотана /Восточный Туркестан/ в Гос. Эрмитаже. Собрание это является одним из крупнейших в Европе и Индии.

17. Предложение Н.И. Толмачевской об издании альбома церковных фресок Поволжья XVII века /школа костромских мастеров/.

VII. Фольклор.

18. Предложение А.П. Поцелуевского об издании в русском переводе образцов туркменского фольклора. Положительное заключение В.А. Гордлевского. Объем — 10 листов.

VIII. Английская литература.

19. Предложение редактора об исключении из плана серии «Прежде и теперь» Карлейля, как мало интересной для современного читателя книги и замене ее сборником исторических и литературных этюдов Карлейля /«Ожерелье королевы», этюды о Гете, Шекспире и др./.

IX. Театр.

20. П.М. Якобсон. «Сценические чувства актера» монография по психологии актера на анкетном материале. Положительное заключение серии А.К. Дживилегова, с оговоркой об обще-философских установках книги. Рукопись готова. Около 10 листов.

21. М.М. Паушкин. «Русский водевиль». Собрание русских водевилей 20–50-х годов /Шаховского, Хмельницкого, Писарева, Кони, Ленского, и др./ с комментариями и статьей. Положительное заключение серии А.К. Дживилегова. Всего около 20 листов.

Рук. Ред. Сектора

/Тихонов/

Комментарии

АГ. КГ-изд 2-39-12.

5

ПРОТОКОЛ

совещания по выработке 3-летнего редакционного плана издательства «Academia» по серии «Мастера стиля»

Присутствовали: Луначарский, Луппол, Эфрос, М. Розанов, Коган, Голосовкер, М. Петровский, Грифцов, Зенкевич, Зелинский, С. Ромов, Нусинов, Эйхенгольц, Тихонов.

Председатель — Луначарский.

Секретарь — Тихонов.

Открывая заседание т. Луначарский предлагает определить задачи совещания.

Тихонов — Задача собрания — наметить конкретный план серии «мастеров стиля». В эту серию входят такие произведения западной литературы, которые обладают исключительными художественными и формальными достоинствами, но в то же время по своему те-

матическому и идеологическому содержанию не вполне соответствуют требованиям советской общественности и потому не могут быть включены в общий план издательства. Эта серия — не для широкого читателя. Она рассчитана на узкий круг литературных специалистов (писателей, критиков, учащихся ВУЗов), которым необходимо знать все тонкости литературного мастерства. Тираж этой серии, равно как и объем по отношению к общему плану — должен быть строго ограничен. Из этой серии уже находятся в работе 4 автора (Апполинер [sic], Жироду, Валери, Рильке) и намечен 5-й — Джойс. Для 3-хлетний план этот список необходимо пополнить.

Эфрос — основным признаком для отбора в серию «мастеров» должен служить признак большого формального мастерства. Сюда должны войти книги, знаменующие собой моменты ломки литературных традиций и замены их новыми приемами. Эта серия скорее для русского писателя, чем для читателя в широком смысле этого слова. Она должна иметь строго очерченные рамки. Не надо углублять ее в старину. Она должна состоять из современных авторов, и тех, из предшественников, которые органически с ними связаны. Дальше, чем до середины XIX в. удаляться не следует. Объем серии не более 15–20 названий.

Луначарский, высказывается против большого расширения серии. Она должна включить современных писателей, и немногих представителей старого поколения. Серия не должна быть способом опубликования идеологически неприемлемых произведений, поэтому следует особо серьезно обдумать вопрос о комментариях, какими будут снабжены эти издания. Помимо общего комментария и предисловия — здесь уместно дать еще и переводческий комментарий, в котором должны быть объяснены методы перевода, особо трудные места оригинала и способы их преодоления, а также указаны те стилистические новшества, какие имеются в оригинале. Этого до сих пор никто не делал, этого нет даже у немцев, но это необходимо сделать, чтобы оправдать существование такой серии и не заслужить упреки в укрывательстве идеологической контрабанды. Книжки этой серии должны быть учебниками стили для русского писателя. Не надо упрощать задачу наших писателей как из лагеря попутчиков, так и из пролетарского лагеря. Наш писатель должен уметь передавать и чувствовать явления огромной культурной сложности — и в этом отношении ему должно помочь его знакомство с наиболее изысканными, быть может даже патологическими образцами европейской культуры.

Зенкевич — высказывается против расширения списка в сторону истории литературы и предлагает ограничиваться периодом по-

слевоенной литературы. Гораздо важнее дать новинки сегодняшнего дня, но при этом необходим строгий отбор авторов и такие к ним комментарии, которые увязывали бы стиль автора и его социальную среду. Серия «Мастеров» — необходима. Влияние западных писателей на писателей советских вне сомнения. — Лучший тому пример: зависимость творчества Олеши от Жироду. Для того, чтобы западный писатель лучше вошел в обиход русской литературы, его необходимо перевести, необходимо «освоить» его в нашей литературе.

Грифцов — предлагает огласить список авторов, предлагаемых в серии предлагаемых в серию «Мастеров стиля».

Тихонов читает список:

- 1) Ал. Бертран
- 2) Бодлер
- 3) Верлен
- 4) Эредиа
- 5) Малларме
- 6) Рэмбо
- 7) Лотреамон
- 8) Ш. Пеги
- 9) М. Жакоб
- 10) в. Ларбо
- 11) Клодель
- 12) Ницше
- 13) Моргенштерн
- 14) Гофмансталь
- 15) Даудентей
- 171) Сборн. Немецких поэтов экспрессионистов (Унруэ, Газенклевер, Верфель)
- 18) Сборн. прозаиков экспрессионистов (Эдшмидт, Штерннейм и др.)
- 19) Сборн. Новейших франц. Поэтов (Кокто, Тзара, Элюар, Деное и др.)
- 20) О Уальд
- 21) Уитмен
- 22) Суинберн
- 23) Россетти
- 24) Киплинг
- 25) Джойс
- 26) Д'Аннунцио

Эфрос — находит, что список в большинстве своем совершенно актуален. Можно оспаривать лишь отдельные частности. Может

быть нужны сокращения, так, например, при очень строгом отборе, могут быть из списка изъяты: Бертран, Верлен, Эдшмидт, и др. Но все остальные авторы связаны с современностью, все пути совр. Французской поэзии идут к Лотреамону и Рэмбо. Ницше необходим, как родоначальник немецкого экспрессионизма. Из английского списка можно не брать О. Уальда и Киплинга, но Суинберн необходим. Что касается М. Пруста — то его много переводили и всегда плохо. Издавать его полностью нам не по силам, а в отрывках — нет смысла.

Зелинский — склоняется к тому, чтобы издавать только новейших авторов. Необходимо ввести в обиход русской литературы новые имена, при условии тщательного их комментирования. В списке преобладают французские авторы и почти не представлены Англия и Америка.

Грифцов — полагает, что список производит «плачевное впечатление. На всем списке лежит печать эстетизма. Стихи Д'Аннунцио, Эредиа — это предел эстетства. Кроме того, список нереален, его нельзя осуществить. Нельзя найти человека, который перевел бы, например, Суинберна. Художественный перевод нельзя делать по заказу, тут нужна конгениальность переводчика и автора. В списке преобладают поэты. Гораздо рациональнее заняться переводом прозы и при том таких книг, идеологическое содержание которых нам близко. Можно взять авторов, как, например, Альфонс Шатобриан «Лабриер», Луи Эмон «Мари Шадлен». Эти вещи были переведены, но плохо. Из итальянцев нельзя брать устаревшего Д'Аннунцио, а следует включить в план Папини «Гог» и И. Свево. Эти писатели не обладают особой изысканностью языка, но хороший стиль — это не обязательно стиль вычурный.

Луначарский. — Задача «Academia» и ГИХЛ'а в целом состоит в том, чтобы дать читателю наиболее яркие образцы западной литературы и при том также, которые отвечали бы запросам советской современности. Под этим углом зрения составлен план Издательства. Это его генеральная линия. Почти все произведения, названные т. Грифцовым, могут войти в этот общий план, их не зачем брать в серию «Мастеров стиля». В этой серии мы хотели бы отвести место писателям, отклоняющихся от общей линии. Сюда войдут произведения наших врагов или людей для нас индифферентных, но таких, которые ценны для нас, как мастера стиля. Это литературные затейники, техники литературной пиротехники. Мы, конечно, должны отойти от эстетства и не должны кормить читателя литературным рахат-лукумом, но вместе с тем мы не должны бояться ядов, иначе у нас не будет ни одной аптеки. Пускай это будет декадентские произведения —

эпоха декаденса [sic] давала иногда утонченные и изощренные художественные ценности. Необходимо только, книги такого сорта снабдить тщательным комментарием, который в данном случае должен иметь характер научного литературоведения. Самое название этого отдела «Мастера стиля» уже предостерегает читателей, что здесь он имеет дело с некоторой односторонностью выбора.

Эфрос — считает признаком глубокой упадочности заявления т. Грифцова о том, что современные переводчики не в состоянии бороться с трудностями поэтического перевода. Почему же символисты брались за эту задачу и разрешали ее удачно? Разве современные переводчики обладают меньшим искусством, чем символисты? Что касается авторов, назван[ных] тов. Грифцовым, то все они, как указал т. Луначарский, легко могут быть изданы в ГИХЛе и другими издательствами — для них не надо создавать никаких новых серий. Преобладание франц. авторов в списке — естественно, так как генеральная линия поэзии XIX и XX в. идет через Францию.

Тихонов — полагает, что оснований выдавать современным переводчикам свидетельство о бедности, тем более, что имеются методы работы более современные, чем индивидуальная работа отдельных переводчиков. Опыт коллективного перевода, произведенный над стихами одного из труднейших стилистов — Эредиа — показал, что этот способ работы может давать блестящие результаты там, где самые лучшие переводчики -одиночки сочли себя бессильными.

Луначарский — спрашивает, как обстоит дело с переводами тех авторов, которые были раньше намечены в плане издательства.

Нусинов — указывает на то трудное положение, в каком находятся издательства из-за недостатка бумаги. ГИХЛ отказывается издавать Фриче, Академия — не берет готового перевода Граббе. Соображения т. Луначарского — насчет «ядов» правильны, но весь вопрос в пропорции таких книг в общей продукции издательства, а также в современности таких изданий. Работа над переводами декадентов — займет время и силы лучших наших поэтов — вопрос в том, следует ли их отрывать от выполнения их прямого назначения, от выполнения того социального заказа, какой дает им советская современность, тем более, что сами они вовсе не декаденты.

Тихонов — указывает на то, что вырабатываемый собранием план работ рассчитан на 3 года, а за это время несомненно будет изжит тот временный кризис с бумагой, о котором говорит т. Нусинов. В крайнем случае, осуществление серии «Мастеров стиля» можно будет отложить до более благоприятного момента, но наметить такую серию нужно сейчас. Процент «ядовитых» книг весьма мал — не более 3%.

Работа над переводами не мешает советским поэтам выполнять социальный заказ — это будет для них своего рода «гимнастикой», т. е. работой, не имеющей прямого производственного значения, но необходимой для укрепления их в мастерстве.

Эйхенгольц — предлагает выделить в серии «Мастеров стиля» писателей, имеющих большие достижения в области формы.

Луначарский. — Считает, что при настоящих тяжелых условиях с бумагой — всякая издательская роскошь — является преступлением. Наша серия не должна быть такой роскошью. Считаясь с бумажным кризисом, ее следует урезать, но отказываться от нее не следует. Нам необходимо знать Запад во всех его проявлениях, и особенно в наиболее типичных и острых его образцах. Мы должны знать врага даже в его бесстыдстве. Это не значит, конечно, что мы должны идти по пути спекулянтов, показывающих под лозунгом «разложение буржуазии» пикантные сцены и фокстроты. Надо отнестись к делу серьезно. Серия «Мастеров стиля» может быть осуществлена только при соблюдении трех условий: 1) она не должна быть большой, 2) в нее должны войти наиболее острые образцы литературного мастерства, 3) серия должна быть снабжена тщательным комментарием, выясняющим как социально-тематическое содержание книг, так и художественные их достижения.

Эфрос — отвечая на запрос т. Луначарского, сообщает данные о положении книг, уже сданных в работу.

1) Джойс — не переводится, так как издательство отказалось заключить договор с переводчиком.

2) Рильке — перевод стихов — готов, проза будет готова через месяц.

3) Валери — готов перевод ряда стихотворений, но не все переводы удачны. Проза — идет лучше — через месяц книга будет готова.

4) Апполинер — имеется ряд готовых переводов стихов. Проза — готова.

5) Жироду — рукопись готова.

В общем через месяц все книги будут готовы. Затруднение в том, что у переводчиков нет единства в методе перевода.

Зелинский — предлагает не отказываться от работы над списком. В течение трех лет полиграфические условия могут измениться к лучшему. Не следует только считать список окончательным — это только набросок будущего плана. Следует размножить список и подвергнуть его широкому обсуждению. Весьма досадно, что Джойс до сих пор не сдан еще в работу.

По предложению т. Луначарского собрание принимает следующую резолюцию:

1) Список не считать окончательным, а лишь материалом для осуждения.

2) размножить список и разослать для осуждения участникам собрания и другим лицам, снабдив список предисловием, в котором указать цель издания серии и % ее отношения к общему плану издательства.

3) поручить т. Луначарскому ознакомиться с готовыми переводами из серии «Мастеров стиля» и сделать об этом доклад на следующем собрании.

4) поставить перед Правлением Издательства вопрос о заключении договора на книгу Джойса.

Председатель:
/Луначарский/

Комментарии

РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 597.

1 В документе нет № 16.

6

Письмо Б. Гимельфарба А.М. Горькому 6 июня 1932

Москва, 6/VI 32
Лихов пер. 12, кв. 18, тел. 5-50-64

Алексей Максимович,

11 июня исполнится сто лет со дня рождения коммунара Жюль Валлеса. Наши газеты, журналы и издательства абсолютно не интересуются революционной литературой XIX в., почему напечатать предлагаемую статью почти невозможно.

Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой ознакомиться с нею и, если признаете ее более или менее пригодной, подействуйте ее опубликованию.

Б. Гимельфарб

Комментарии

АГ. КГ-П 20-4-1.

7

Письмо Б. Гимельфарба Л.Б. Каменеву
22 марта 1934

Т. Каменеву

О Рецензии Г. Фридлянда.

Для чего пишутся так называемые внутри-издательские рецензии? Прежде всего для того, чтобы помочь изд-ву и автору. Однако, Г. Ф. и, к сожалению, изд-во пошли по другому пути. Первый поставил себе единственной задачей — во что бы то ни стало «провалить» статью, а изд-во скрыло рецензию от автора, вместе того, чтобы, как это всегда делается, предложить ему исправить свою статью, согласно указаний рецензента, призванных им, изд-вом, правильными. Я. Эльсберг вделал надпись: ознакомить с рецензией т. т. Горбова и Эфроса». Но тот же т. Э, скрывший от меня, вопреки общепринятому порядку, «рецензию», не счел нужным внести в статью одну поправку, согласно одного единственного более или менее правильного замечания Г. Ф. Я имею в виду то место статьи, где говорится, что в конце 60-х г. г. рабочий вопрос заслонялся борьбой за свержение империи и т. д. Поскольку я не имел возможности развить своей мысли /хотя разрыве революционного пролетариата с буржуазными республиканцами все-таки говорил/, уточнить ее и т. д., это место читателями типа Г.Ф. Фридлянда, при желании, может быть понято так одиозно, как его «толкует» последний.

Он докторально начинает: « Валлес принадлежит эпохе коммуны 71 г., биография его — глава богатой событиями эпохи истории революционного движения XIX века». А я это не знал, хотя в статье моей твердится об этом десятки раз.

[...]

Моя статья, конечно, имеет существенные недостатки, усугубившиеся после произведенной издательством хирургической операции. Но тех недочетов, которые приписывает мне Г. Ф. в ней, к счастью, нет. Да и не может быть, ибо он, имея перед собой гранки статьи, читал не то, что в ней написано.

Но даже став на точку зрения Г. Ф. и признав его замечания правильными, как надо было поступить со статьей? Либо последовать совету «рецензента» и бросить ее в корзину, либо уточнить, дополнить и развить некоторые положения. Изд-во же пошло по пути изъятия криминально инкриминируемых мест. В результате получился только ряд неувязок.

От общей оценки поведения Г. Ф. воздерживаюсь.

Отмечу только, что он не всегда старается доказать изд-ву, что кроме него никто не может писать предисловий. Бывают случаи, когда он усердно расхваливает книги того же изд-ва и, не гнушаясь приемами низкопробной бульварной рекламы, рекомендует явно халтурные издания (технически, литературно, редакционно и к тому же снабженные действительно никчемные издания).

22/ III 34

Б. Гимельфарб

Комментарии

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 34.

8

Письмо Б. Гимельфабра А.М. Горькому 14 июня 1934

Многоуважаемый Алексей Максимович

Не считая возможным отнимать у Вас время, разрешите быть кратким. Я — в числе отклоненных комиссией по приему в члены ССП. Я прошу Вас только ознакомиться с моей анкетой, сравнив ее с анкетами принятых, и сказать мне, имею ли я право после тридцатилетней работы, политически ничем не опороченной, считаться советским писателем. Дополнительные сведения обо мне может сообщить Л.Б. Каменев.

Б. Гимельфарб

14/VI 34

Лихов пер. 12, кв. 18

Т. 5-50-64

Комментарии

АГ. КГ-П 20-4-2.

9

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому
3 декабря 1931

3 декабря [1931.] Москва 19 Моховая 3; 6.

Анатолий Корнелиевич Виноградов

Дорогой Алексей Максимович,

Сейчас был у меня К.И. Чуковский, работающий над Слепцовым, принес мне статью «Тайнопись [sic] В. Слепцова». Если одобрите, ее в сокращении можно будет дать в качестве комментария к «Трудному времени» в серии «Молод. Чел.» Чуковский имеет экземпляр (печатный) Слепцова с его пометками, дающими нерадикальное (как прямо указывает Чуковский) восстановление цензурованного текста, — б. м. лучше все же взять предлагаемый им текст и его «экзегетическую» статью к тексту «Трудного времени»? Посылаю Вам это исследование нового Филона Александрийского Рязанова «О писании»¹. Рязанова я трактую совершенно иначе.

Теперь на меня свалилось новое развлечение: Ионов подает на меня жалобу в суд за то, что «Ист<ория> Молод<ого> Челов<ека>» идет приложением к журналам. Создается типичная кляуза «доброе старого времени»[,] заполняющая мои сутки мусором и грязью, чтобы лучше шла писательская работа. Припомните, дорогой Алексей Максимович, день, когда у Вас были Кольцов, Халатов и кажется Тихонов (по словам П. Крючкова); Вы увидели меня у телефона и сказали: «А Халатов с Кольцовым сейчас сговорились дать «Ист<ории> Молод<ого> Челов<ека>» приложением к «Огоньку». Я спросил: «Когда? Уже в 32ом году [?]» — Вы ответили: «Да, в 32ом году: работайте[,] времени осталось мало.» Я сказал Вам о своей усталости. Вы повторили: «Отдохните и работайте.» Значит ли это что я по формуле Ежова-Ионова тайком «продал один и тот же фунт мяса в две семьи, когда мне в голову не приходило это приложение. А.Б. Халатов и Чехова и Пушкина (да и Ионов тоже) давали приложением к журналам, а одновременно тот же редактор работал на академическом изданием [sic] тех же авторов. Все это прошло до назначения Ионова и только ухищрением Ежова удалось сейчас замутить эти ясные взаимоотношения. Я ведь в «Огонёк» к М.Е. Кольцову пошел, не прежде чем получил его вызов (письмом), и то не сразу. После Вашего выздоровления (Вы еще смехом говорили: «Вернули мне брюки!») я при Халатове Вам говорил об огоньковских делах.

Там в 40 минут оформили документы, которые Ежов оформлял ровно 40 дней («это все Ваши выдумки с Горьким» — [нрзб.]).

За что же будут меня судить и к чему присудят?

Дорогой Алексей Максимович, просите прекратить эту травлю. Чем лучше дело, тем хуже травля. Ведь это история одного героя — интереснейшая вещь, и я даю Вам обещание, что 15 очерков молодого героя XIX в. будут в конце концов содержательным историко-литературным произведением. Пока я цел и жив SOS.

Статью Чуковского посылаю.

Ваш Анатолий Виноградов

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-29.

¹ Рязанов Яков Васильич — персонаж повести В. Слепцова «Трудное время» (1866).

10

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому 9 декабря 1931

9 дек. [1931.] Моховая. дом 3. кв. 6.

Вот, дорогой Алексей Максимович, как сложились дела. Ионов меня сегодня вызвал после Редсовещания и заявил, что «не Горький и Халатов заведуют Издательством “Academia”, и передавать Кольцову серию Ист. Молод. Чел. (которая правда встречает вообще сопротивление моего аппарата) я считаю Вашим» (моим А. в.) «мародерством! Я опубликую в печати, что Вы — мародер, немедленно судом возьму, с Вас деньги и угроблю.» Я рассказал ему, как было дело. Опять повторение: «Халатов и Горький не заведуют Academia» и дальше: «Да что у Вас своей-то головы нет на плечах?»

Я говорю: «Илья Ионович, давайте говорить спокойно: все приложения к журналам во всех ОГИЗ'овских филиалах определяются Халатовым, если он был инициатором передачи в беседе с Горьким и Кольцовым, если мало спустя не я пошел в «Огонёк», а Кольцов меня вызвал, то право же все в порядке. Если с Вашим назначением в «Acad.» отношение издательства к плану изменилось, то мне не в чем извиняться. Не печатайте 15^{ти} романов, а только книгу «История

одного героя» с предисловием А.М.» —... Крики... — Ничего из того, что Вы с Горьким в Из-ве «Огонёк» выпустите, я печатать не хочу... деньги обратно и общественное порицание — вот Вам за все это!»

Я ушел. Я рад был бы отказаться от многих вещей, вызывающих зависть и ненависть ради моей старой Надежды Николаевны, которую старательные люди осведомили, «Сын Ваш под судом!» Не знаю, как это сделать. Отработать полученные деньги я всегда смогу. Только устал я и задержали меня. Может быть можно? Посоветуйте! Очень прошу. Послана Вам статья о Мюссэ (к «Исповеди Сына века»). Боюсь неисправностей почты. Дважды посылал Вам статьи. Получены ли?

Простите. Привет всем. Ваш Анатолий Виноградов.

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-30.

11

Письмо А. Виноградова А.М. Горькому 11 мая 1932

11 мая [1932]

Дорогой Алексей Максимович,

К Вам не нынче — завтра явится депутация Горкома писателей для того, чтобы предостеречь Вас от общения с Виноградовым. Вчера по инициативе Ионовской группы Горком в мое отсутствие президиум Горкома слушал иеремиаду Ионова против меня. 5ог мая меня вызвали телеграммой, но отменили разбор «дела» за неявкой председателя Ляшкевича. Прождав 1½ часа я ушел еще не казненным. Теперь будут «раскрывать глаза Горькому» на Виноградова. В составе депутации: 1) Ляшкевич (б. м. Хороший человек, но выдвинутый недавно из наборщиков на оргработу профсоюзом, он не знает ни писателей, ни литература [sic]) 2) Зличенко, 3) Ионов, 4) Богданов. Все ли они к Вам придут, — не знаю. Но все они за Ионова и, следовательно, против Виноградова. Они, в мгновение ока доказав Вам, что Виноградов «негодяй, мародер, плагиатор, халтурщик и рвач, бездарность», желают получить от Вас хотя бы молчаливое согласие: 1) на разрыв всех договоров это уже начато), 2) на исключение Виноградова из писательского союза с опубликованием этого решения в печати, 3) на

полное изгнание Виноградова из литературы. Ионов, перебрав всю ругань и сочетав ее с моим именем объявил начало крестового похода: «Я добился того, что Каменев исключил Виноградова из состава изд. «Academia», я добился, что все, что все написанное Виноградовым признано вздором.» Кем признано? Ионов не сказал. Так Горком вместо прямой обязанности защиты пошел по пути травли, начатой полубезумным бывш. издателем. Вспоминаю работы над письмами Мериме, найденными с таким трудом, первые после Революции русские работы о Стендале, огромную работу над «Жизнью Ж. Дарк¹», «Отверженными²», над Мицкевичем, добрых полсотни книг. Неужели это все кончается тем, что «непишущие писатели», чиновники Горкома, требуют Вашего согласия выставить Виноградова на правежи отдать его на поток и разорение с семьей. Они явятся к Вам и будут делать свои выводы из каждого Вашего слова. Ваш А. Виноградов

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-32.

¹ См. *Франс А.* Полн. собр. соч. / под общ. ред. и с предисл. А.В. Луначарского и портр. автора. М.; Л.: Земля и фабрика. Т. 14: Жизнь Жанны д'Арк. Кн. 1 / пер. и примеч. А. Виноградова; предисл. А.В. Луначарского. 1928. 464 с.

² *Гюго В.* Отверженные: в 5 т. / пер. под ред. и с вступит. статьей А.К. Виноградова. Москва: Academia, 1931.

12

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому 15 декабря 1932

15 декабря 1932 г. Москва Моховая 3; 6
Анатолий Корнелиевич Виноградов

Дорогой Алексей Максимович,

«История молодого человека XIX ст<олетия>» я закончил и сдал до срока, хотя недостаток бумаги привел к тому, что материал резали и сокращали трижды. В нечеловеческих условиях это все писалось. Я ни в чем не виноват, но необходимо было сделать меня виновным. Людям занятым некогда с этим возиться — легче поверить вине чем оправдать.

Теперь идет дело о том, чтобы доказать простую истину:

«Горький разочаровался (это самое мягкое из всех приводимых выражений) в Виноградове и его не поддерживает.» Все хорошо понимают, что человека, которого перестал поддерживать Горький можно бить поленом. Это делают. Я загружен работой, тороплюсь, так как должен содержать семью, а это требует быстрой работы, иначе заработок становится таким тонким и неуловимым, что снова как в 1922 г. послышится писк голодных ребят. В этих условиях трудно не уставать. А мне надо было всего 2–3 недели отдыха, чтоб не искалечиться. Мне надо учиться, много видеть, много работать над обширными новыми материалами. Я не жду никаких праздников. Мне нужны книги, поездка за границу, как это было в свое время обещано. Теперь, когда я закончил хронику «Чёрный Консул» из эпохи В<еликой> Франц<узской> Революции, закончил «Ист<орию> Мол<одого> Чел<овека>» — мне говорят, что я навлек такое негодование Горького на мою скромную персону, что я не могу рассчитывать ни на что.

То же самое говорили, когда захотели отнять у меня работу по Румянцевской Библиотеке, которую я любил и которой отдал 25 лет горячей работы — тоже перед самым концом меня пугали гневом и негодованием людей мне дорогих. Легко делается — закрыть глаза на большое и надоедать Вам мелочными выдумками на меня — а мне грозить Вашего имени египетскими казнями. Нужно ли это? Пишу Вам только потому, что тяжелы мне угрозы от Вашего имени.

Посылаю Вам Бальзака. Книжка делалась мною с любовью как юбилейный подарок любимому писателю.

Анатолий Виноградов

23 января 33 г. 150 лет со дня рождения Стендаля. Предложил издать «Записки эгоиста» готовый перевод; 5 листов всего. По-русски книжка не выходила. Никто не помог: Боборыкина предпочли. Как бы тяжело ни было я не в праве уходить из жизни. Мои ребята от этого самоубийства искалечатся. Но охоты большой жить нет.

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-35.

13

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому
<2> августа 1933

<2> августа

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам новый перевод «Варфоломеевской ночи» (хроники времен Карла IX) Проспера Мериме. С особым чувством делаю это. Работалось над этой вещью легко и хорошо без усталости. Это были те дни, когда решался вопрос об истории французской литературы XIX века, когда П.П. так помог мне в работе над письмами Мериме и Тургеневским Архивом, когда кончал я свою большую и тяжеловесную работу о жизни и времени Стендаля («Три цвета времени»).

По Вашей инициативе возник этот перевод[,] новый, полный.

В неопубликованном дневнике Льва Толстого прочел: «25 сент. 1865 г. читал Mérimée Chroniques de Charles IX. Странная его умственная связь с Пушкиным. Очень умен, чуток, а таланта нет!» Удивительны и непонятны мне суждения. Странно его окружение тех лет. Это чудаки и неудачники из мелких тульских дворян, творившие свою, доморощенную философию истории, свою этику, свою социологию. Все эти Урусовы, Юрьевы, Зарубины оказали на Толстого какое-то странное свое влияние, главным образом на защиту доморощенного своего, местного и на отрицание преемства, универсальности культуры.

Горячо приветствую Вас.

Ваш Анатолий Виноградов

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-39.

14

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому
13 ноября 1933

13 XI 33. Москва 19 Моховая д. № 3 кв. № 6.

Анатолий Корнелиевич Виноградов

Дорогой Алексей Максимович, всюду, где я прошу защиты, меня спрашивают, «почему же глава писательских организаций М. Горь-

кий вас не защищает?», и без Вас не движается мое дело. Если Вольтер вмешался горячо в дело Каласа и восстановил счастье целой семьи, если Зола ради спасения простого офицера Дрейфуса неотступно вырывал его у смерти, то Горькому в тысячу раз легче спасти семью Виноградова. Я не преступник, и не прошу также ни о каких возмездиях тем[,] кто меня измучил. Я прошу права на жилище, на жизнь 3^х детей и моих стариков. Меня лишают всего этого. Мне необходимо вынуть новую квартиру (5 т[ысяч] руб) откупиться от Ленинск. Б-ки (Невский требует) (3 ½ т[ысяч] руб). Я продал все, нет библиотеки, проданы вещи. И в эти месяцы, взяв меня измором, судами[,] клеветой, меня лишили заработка, чтобы я не смог иначе как смертью отвечать на голод моих запуганных ребят. Кому это нужно? Беспризорных и без того много. Я просил Каменева принять работы[,] намеченные Академией еще в 1931 г. Это меня спасло бы. Отказ! И во всем отказ. Прошу Вас[,] телефонируйте, просите правительство остановить травлю[,] помочь мне отработать 12 тысяч кирпичей[,] из которых делается комната. Я больше могу сделать.

А. Виноградов

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-40.

15

Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому 7 июня 1934

Ейск. Авиагородок. Батальон Штурманов. 2 ая рота.
7 июня 1934 г. Анатолий Корнелиевич Виноградов

Дорогой Алексей Максимович,

Помогите мне. Я в воинской части, на учебе. Занят с 4^х утра и до ночи. Люди и работа — все мне нравится. Устаю, но усталость хорошая[,] в отличие от тех отвращающих впечатлений[,] которыми кормит меня издательская и литературная организационная неразбериха Москвы. Не знаю почему, но сливающиеся издательства прекратили платежи, хозяева разъехались по отпускам, оставив на произвол судьбы книги людей[,] договора и честные слова. Мой мальчик

с ненужным недетским раздумьем спрашивает меня[,] почему никто не платит мне в обещанные сроки, почему через день приходится есть. При чудовищной дороговизне жизни в Москве и в Тарусе большая моя семья не может тратить меньше 60 рублей в день. Я должен работать в семье один и работаю давно сверх сил. Мои книги выходят малыми тиражами, а только повторные издания дают возможность жить с семьей не впроголодь и писать хорошо.

Вы знаете, что были созданы искусственно истощающие условия моего труда. Сейчас продолжаются те же опыты изнурения меня травлей. Семья сидит без копейки, я до 1го августа в армии, значит или голод, или не знаю какой вид смерти. Меня в течение года 27 раз трепали по судам. Сейчас возобновили всяческие муки. Это методы пятикратной румынской казни с оттирани[е]м на виселице. Что делать? Снова жуют пережёванную бумагу доносов и сплетен, в которых все до конца уже самым оргкомитетам выяснено бесповоротно. Когда же это кончится[?] Ведь не один человек не может длительно работать в этих противоестественных условиях. Я прошу раз навсегда прикончить меня или дать возможность кормить семью и работать несмотря на возможные срывы и усталость. Сейчас жена приехала в Москву. Тихонов только сейчас удосужился дать мне телеграмму с отказом в договоре на биографию Стендаля. Договор на честное слово Тихонова был назначен в мае. Май прошел, деньги не высланы и даже ответа не дано мне было на телеграмму с оплаченным ответом. П.П. тоже не отвечает. Цыпин¹ [,] обещавший в июне платить за 3^{ье} издание «3 цветов» уехал отдыхать². Мирский неприлично изругал мою рукопись «Байрон». Не могу согласиться ни с одним словом. Делать Байрона «человеком неблагородным» нелепо, очень прошу Вас; используя все пути безуспешно, обращаюсь к Вам. Издательства могут и обязаны обеспечить мою семью в счет моего заработка и послать в Тарусу ул. Каляева 16 Анне Михайловне Виноградовой три тысячи рублей. Это в обрез содержание моей команды.

Простите это письмо. Но если бы Вы читали письмо моего мальчика, Вы поняли бы меня.

Ваш А. Виноградов

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-42.

¹ Цыпин Григорий Евгеньевич (1899–1938) — журналист, парт. деятель. В 1930-х директор издательства «Детгиз», затем заместитель главного редактора газеты «Известия».

² См.: Виноградов А. Три цвета времени. Жизнь и приключения Анри Бейля Стендаля: роман в 4 ч. / с предисл. М. Горького. 3-е изд. Москва: Художественная литература, 1935. 567 с.

16

**Письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому
23 января 1935**

Таруса. Улица Каляева дом 13. Анатолий Корнелиевич Виноградов
23 янв. 35 г.

Дорогой Алексей Максимович, очень прошу Вас воздействовать на А.Н.Тихонова.

I. Я пошел ему навстречу переделкой биографии Байрона¹, хотя 90% требований и весь их тон глубоко оскорбительны. Тихонов не желает никак помочь мне в работе. Я просил обеспечить мне возможность переработки «Байрона» заключением договора на обещанную мне биографию Стендаля. — Отказ!

II. Письменным заказом Ред. «Истории Фабрик и Заводов» поручила мне написать небольшую работу о Соболевском (в связи с «Ист. Выборгских Мануфактур»). Я сделал это. До сих пор мне не заплатили. Вместо платы мне грозят судом из той же редакции т.к. я не поехал в Магнитогорск. Не поехал я потому, что Тихонов после подписания договора снизил цифру гонорара на 300 рубл. Это некорректно. Он обещал восполнить это договором на биографию Стендаля. Не исполнил! Редакция должна мне 1800 руб. Я ей 670 руб. Пусть вычтут и вышлют мне в Тарусу разницу. Мне здесь больному в больной семье и без того трудно. Я ведь ни в «Academia» ни в других местах по милости Каменева не служу, и литература кормит мою большую семью. Тихонов в 4х редакциях имеет работу. Где справедливость? Не пора ли мне хоть немного отдохнуть от нужды и травли. Очень прошу: потребуйте настоятельно, чтобы дали мне работу в Издательстве «Academia», чтобы не оттирали меня, не травили, не держали в черном теле. Трудно мне! Вы когда-то, поручая мне Вашу переписку с Ромен Ролланом, обещали мне работу в Париже хоть 2 месяца, хотели дать мне работу в «Academia» (Ну — Каменев запротестовал!). Я предупреждал[,] что врагов и клеветников у меня много. Следовало давать им возможность измучить меня? Ведь Вы знаете, кто эти люди! Помогите мне теперь.

Ваш А. Виноградов

Я писал Щербакову. Он знает мои просьбы. Дайте ему поручение их исполнить.

Комментарии

АГ. КГ-П 15-7-44.

¹ Виноградов А. Байрон (1788–1824). М.: Журн.-газ. объединение, 1936. 302 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 9–10 (81–82)).

17

Письмо Я. Янсона А.А. Андрееву 8 августа 1935

8 августа 1935 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/
тов. АНДРЕЕВУ.

Издательство «ACADEMIA» в прошлом не имела определенного направления, издавая часто второстепенную литературу, приспособляясь ко вкусам особого эстетствующего читателя.

Мною еще весной было выдвинуто предложение сосредоточить работу «ACADEMIA» на издании лучших мировых и русских классиков.

Это предложение Отделом печати ЦК было как будто одобрено, мне было предложено составить список классиков, которых следовало бы издать в первую очередь.

3 июля мною был представлен тов. ТАЛЮ план ACADEMIA по изданию классиков на 1935–38 г.г., в который были включены наиболее выдающиеся авторы и произведения.

Вместе с этим планом я представил записку с рядом предложений, определенных дальнейшее направление работы ACADEMIA, которое должно стать ведущим издательством по выпуску мировых и русских классиков.

Отдел печати пока еще не рассмотрел представленный перспективный трехлетний план; но дал указания, что на дальнейшее ACADEMIA должна выпускать только издания классиков; при этом было предложено снять с производства и отложить значительное количество изданий из старых портфелей; также предложено в план 1936 г. включить лишь произведения классиков.

Эти директивы совершенно правильно намечают дальнейшее направление работы ACADEMIA. Издательство сейчас перестраивает свою работу в соответствии с этими директивами. На оставшуюся часть 1935 г. намечен выпуск исключительно произведений классиков, составлен план на 1936 г. по выпуску классиков.

Производя эту перестройку Издательство желает иметь определенную и точную директиву о своей дальнейшей работе.

В этой директиве, по мнению Издательства, необходимо установить нижеследующее:

1. Издательство ACADEMIA на ближайшие годы сосредотачивают свою работу на издании классиков мировой и русской литературы, выпуская их в высококачественном производственно-художественном оформлении в проверенных текстах и переводах.

2. Классики выпускаются ACADEMIA в следующем виде:

а/ Полные собрания сочинений с солидной редакционной обработкой.

б/ Избранные собрания сочинений.

в/ Отдельные, наиболее выдающиеся произведения.

г/ Лучшие произведения с художественными иллюстрациями /люксус издания/.

3. Тираж изданий устанавливается по собраниям сочинений и отдельным произведениям до 25-30.000 экз. по люксус изданиям до 10.000 экз.

4. Комментарии и предисловия в изданиях могут составить не более 1–1,5 листа на отдельный том.

5. В виду отсутствия в СССР изданий целого ряда произведений классиков /Шекспир, Шиллер, Байрон, Бальзак и др./ считать необходимым усилить работу по их выпуску; обязать Издательство ACADEMIA выпустить произведения классиков, включенных в представленный Издательством трехлетний план /уточнить его в Отделе Печати.

6. Обеспечить ACADEMIA бумага [sic], необходимую для выпуска классиков по плану, ориентировочно

на 1936 год — 2000 тонн

« 1937 год — 3550 »

« 1938 год — 3835 »

7. Бумагу на каждый год отпускать для издания точно указанных авторов и названий и тиражей на отдельное издание по утверждаемым Отделом Печати годовым планам.

8. Разрешить ACADEMIA выпускать кроме классиков издания по вопросам литературоведения, театра, истории культуры, фолькло-

ру и друг. В размере 10% общего количества бумаги, отпускаемой ACADEMIA; 90% бумаги должно идти на издания классиков.

9. Для обеспечения производственного оформления издания классиков передать ACADEMIA необходимые материальные условия

а/ Предоставить ссуду на время происходящей перестройки работы ACADEMIA / снятие и списание ряда идеологически вредных изданий/, отсрочка изданий второстепенных авторов не классиков и т. д./.

б/ Обеспечить удовлетворительное помещение для Издательства и для его складов.

в/ Разрешить увеличение штата сотрудников.

г/ Предоставить грузовой и легковой автомобиль.

д/ Ассигновать валюту для выписки необходимых иностранных изданий классиков, переводимых для издания в ACADEMIA.

13. Предложить СНК РСФСР принять соответствующее постановление о промфинпланах Издательства на 1935 и 1936 года, предусмотрев в них указанную перестройку и расширение работы Издательства, а также принять решения, обеспечивающие удовлетворение перечисленных нужд Издательства.

Прошу Вас рассмотреть выдвигаемые предложения изданий 1936 г. уже сейчас необходимо провести их подготовку, заключить авторские договора и т.д.; также необходимо в НКФ"ине и СНК СССР пересмотр промфинплана Издательства. Поэтому необходимо уже сейчас получить определенные зафиксированные директивы по выдвинутым вопросам.

Заведующий Издательством
«ACADEMIA»

/Я. Янсон/

Комментарии

АГ. КГ-изд 2-43-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–.
2. Манелис Л.К. Издательство «Academia» и его продукция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 24 с.
3. Милашевский В.А. Моя работа в издательстве «Academia» // Russian Philology and History. In Honour of Professor Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 43–58. Электрон. публ.: ОПОЯЗ.RU: проект Игоря Широнова. URL: <http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html> (дата обращения: 15.09.2021)
4. Московская Д.С., Гальцова Е.Д. «Издательские страсти» ФОСП (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 394–419. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-419>
5. Рац М.В., Фомин Д.В. Как работало издательство «Academia» и как в нем работало: воспоминания сотрудников и художников // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 2008. Сб. 88. Ч. 2. С. 186–205.
6. Роле С. Издательство «Academia» и проект публикации трилогии Жюль Валлеса в 1934–1936/39 гг. // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 гг.: исследования и материалы / под ред. Е.Д. Гальцовой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 152–161.
7. Чуковский К.И. Дневник (1930–1969). М.: Соврем. писатель, 1994. 560 с.
8. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. Paris: Seuil, 1997. 316 p.
9. Durkheim É. De la division du travail social. Paris: PUF, 1930; rééd.: Quadrige, 1991. xliv, 416 p.
10. Genette G. Seuil. Paris: Editions du Seuil, 1987. 388 p.
11. Rolet S. Les éditions «Academia». Entre la culture et l'argent (1929–1938) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 420–443. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-420-443>
12. Rolet S. Les éditions «Academia» et la littérature étrangère // Le rapport à l'étranger dans la littérature et les arts soviétiques / éd. M.-C. Autant-Mathieu (ETTRANSOV). Paris: Éd. CNRS, 2012. P. 83–95. Archive ouverte HAL. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/halshs-00759526v1> (дата обращения: 15.09.2021)

PUBLISHING HOUSE “ACADEMIA” IN THE EARLY 1930S: RACE FOR FEES

© 2021. Serge Rolet

University of Lille, Eur'ORBEM (CNRS), Lille, France

Acknowledgements: The research was carried out with the support of joint research project FICUSOV 1917–1941 (Financing of Soviet Culture) — CNRS–UMR Eur'ORBEM.

Abstract: The memoirs of the staff of the publishing house “Academia” indicate that the activities of the publishing house were inspired by the disinterested love (*illusio*) of “authors” in the broadest sense (editors, translators, commentators, editors) for art and literature. Archival documents show that this is not the case. The very ambitious editorial policy that “Academia” demonstrates is largely declarative. In fact, the choice of published books is also and primarily associated with competition for copyright (*lusio*). The competition was quite open: the authors who manage to get the most regular and significant income from collaboration with the “Academia” are not necessarily the most influential politically. Competence, social flexibility, and tenacity enable seasoned professionals to steer publishing programs in a direction that is favorable to their personal interests. It is the competition between the authors, their sometimes long-standing closeness and the tactical nature of their behavior that make it possible to understand the sometimes paradoxical decisions of the editorial board. But the race for royalties is not a war of all against all. We see that the “Academia” has informal rules that are tacitly accepted by all employees (*collusio*). These rules, beneficial to all, ensure the survival of the “Academia” for several years in an alien and hostile environment of the Building of Socialism.

Keywords: publishing house “Academia”, competition, copyright, fees, autonomy, informal regulation, Beranger, Valles.

Information about the author: Serge Rolet, DSc in Philology, Honorary Professor of Russian Literature, University of Lille, member of the Eur'ORBEM (CNRS UMR 8224), 42 rue Paul Duez, 59000 Lille, France.

E-mail: serge.rolet@univ-lille.fr

For citation: Rolet, S. “Publishing House ‘Academia’ in the Early 1930s: Race for Fees.” *Codex manuscriptus*, issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 425–491. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-425-491>

REFERENCES

1. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete Works: Letters: in 24 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997–. (In Russ.)
2. Manelis, L.K. *Izdatel'stvo "Academia" i ego produktsiia* [Publishing House "Academia" and Its Products: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1989. 24 p. (In Russ.)
3. Milashevskii, V.A. "Moia rabota v izdatel'stve 'Academia'" ["My Work at the Publishing House 'Academia'"]. *Russian Philology and History. In Honour of Professor Victor Levin*. Jerusalem, 1992, pp. 43–58. *OPOIaZ.RU: proekt Igoria Shironina* [OPOIaZ.RU: Igor Shironin's Project]. Available at: <http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html> (Accessed 15 September 2021) (In Russ.)
4. Moskovskaya, D.S., Gal'tsova, E.D. "Izdatel'skie strasti' FOSP (po materialam Otdela rukopisei>IMLI RAN)" ["FOSP's 'Publishing Passion': On the Materials Held in the Department of Manuscripts of IWL RAS"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 394–419. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-419> (In Russ.)
5. Rats, M.V., Fomin, D.V. "Kak rabotalo izdatel'stvo 'Academia' i kak v nem rabotalos': vospominaniia sotrudnikov i khudozhnikov" ["How the Publishing House 'Academia' Worked and How People Worked in It: Memoirs of Employees and Artists"]. *Kniga. Issledovaniia i materialy* [Book: Research and Materials], vol. 88, part 2. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 186–205. (In Russ.)
6. Rolet, S. "Izdatel'stvo 'Academia' i proekt publikatsii trilogii Zhiulia Vallesa v 1934–1936/39 gg." ["Publishing House 'Academia' and the project of publication of the trilogy by Jules Valles in 1934–1936/39"]. Gal'tsova, E.D., editor. *Postizhenie Zapada. Inostrannaia kul'tura v sovetskoj literature, iskusstve i teorii 1917–1941 gg.: issledovaniia i materialy* [Understanding the West. Foreign Culture in Soviet Literature, Art and Theory of 1917–1941: Research and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 152–161. (In Russ.)
7. Chukovskii, K.I. *Dnevnik (1930–1969)* [Diary, 1930–1969]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1994, 560 p. (In Russ.)
8. Bourdieu, P. *Méditations pascaliennes*. Paris, Seuil, 1997, 316 p. (In French)
9. Durkheim, É. *De la division du travail social*. Paris, PUF, 1930; rééd.: Quadrige, 1991, xlv, 416 p. (In French)
10. Genette, G. *Seuils*. Paris, Editions du Seuil, 1987, 388 p. (In French)
11. Rolet, S. "Les éditions 'Academia'. Entre la culture et l'argent (1929–1938)". *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 420–443. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-420-443> (In French)

12. Rolet, S. “Les éditions ‘Academia’ et la littérature étrangère”. *Le rapport à l'étranger dans la littérature et les arts soviétiques*, éd. M.-C. Autant-Mathieu (ETRANSOV). Paris, Éd. CNRS, 2012, pp. 83–95. *Archive ouverte HAL*. <https://hal.archives-ouvertes.fr/halshs-00759526v1> (Accessed 15 September 2021) (In French)